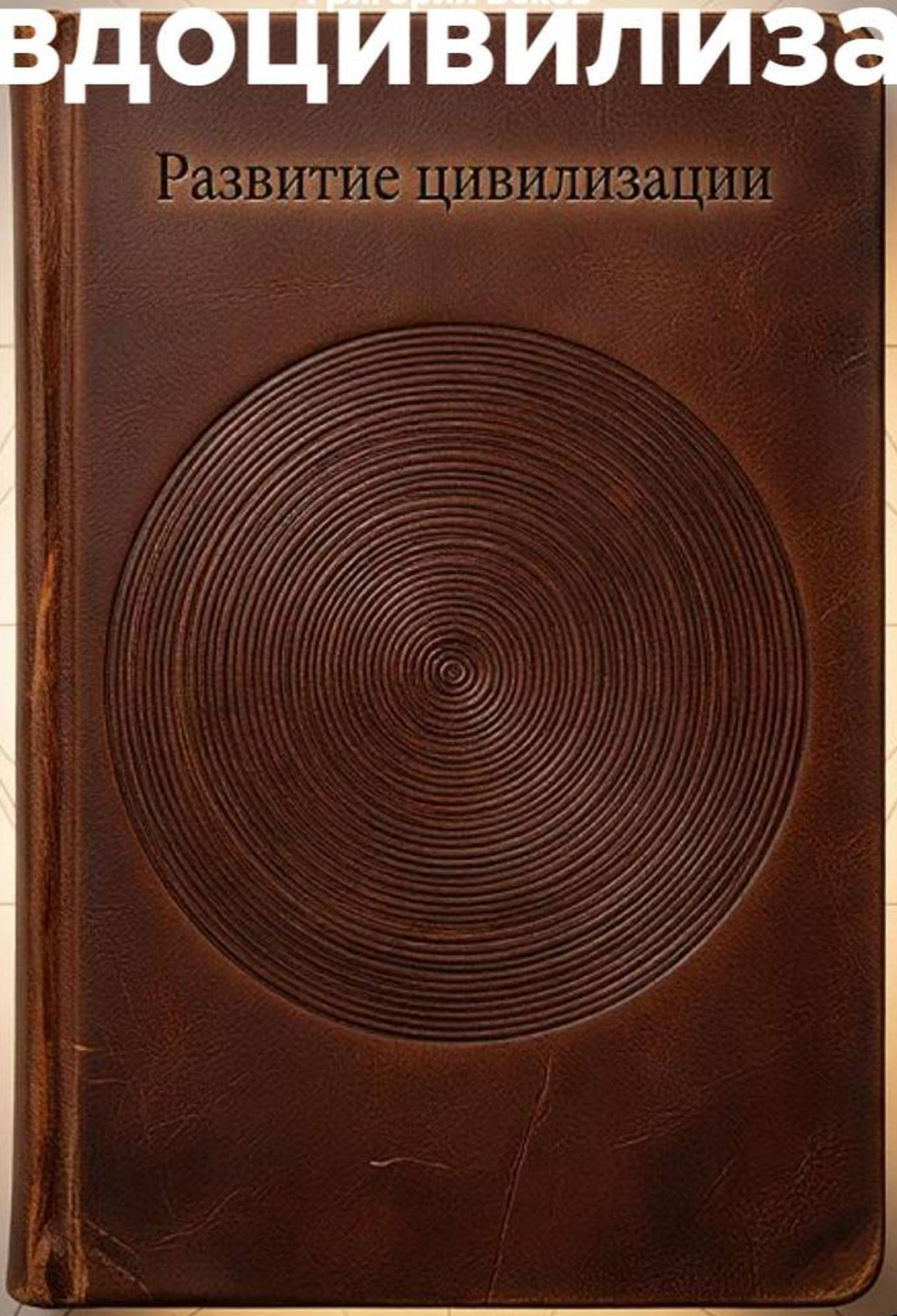
Григорий Веков

Псевдоцивилизация

18+

Григорий Веков

Псевдоцивилизация

«Автор»
2026

Веков Г.

Псевдоцивилизация / Г. Веков — «Автор», 2026

Эта книга выражает понимание разумной сущности мировой цивилизации за пределами мифов нашей исторической эпохи.

© Веков Г., 2026
© Автор, 2026

Григорий Веков
Псевдоцивилизация

Эта книга выражает понимание разумной сущности мировой цивилизации за пределами мифов нашей исторической эпохи.

Псевдоцивилизация

Часть I

Цивилизация – это разум, который создает в самосознании иерархию высших ценностей

Гл.1

Историческая реальность высших ценностей……

Гл.2

Иерархия исторических ценностей как разумный критерий существования цивилизации……

Гл.3

Анализ российской культуры с позиции высших ценностей……

Часть II

Псевдоцивилизация – это историческое время, когда разума старой модели цивилизации уже нет, а разумной политической силы новой модели цивилизации пока еще нет

Гл.4

Подобие мировых исторических событий…….

Гл.5

Феномен псевдоцивилизации……

Гл. 6

Конфликт разумных и неразумных ценностей жизни……

Часть III

Государство в мировой истории

Гл.7

Некоторые параллели мировой истории……..

Гл.8

Метафизика действия процессов памяти……

Гл.9

Критика идеального государства Платона Аристотелем

Часть IV

Исторические основы государственности

Гл. 10

Критика идеального государства Платона Гегелем……

Гл. 11

Критика идеализма и отношение к государству Ницше……

Гл. 12

Граница ценностей цивилизации и псевдоцивилизации…….

Часть V

Мировая цивилизация в российской истории
Гл. 13.
Критика российских нравов Чаадаевым…….
Гл. 14
Критика российских нравов Салтыковым-Щедриным…….
Гл. 15
Отношение к российскому государству у Грибоедова……. …….
Часть VI
Ценности разума идеализма
Гл. 16
Платон о высшей ценности целого …….
Гл. 17
Почему именно Платон……
Гл. 18
Отсутствие разумной дискуссии в социальном пространстве современной псевдоцивилизации……

Часть VII
Энергия высших ценностей мировой цивилизации

Гл. 19
Понимание расового бессознательного…….
Гл. 20
Мифы нашей исторической эпохи и разумная действительность …….
Гл. 21
Граница мифологического сознания и разумной действительности самосознания……

Часть VIII
История псевдоцивилизации
Гл. 22
Противоречия цивилизации и псевдоцивилизации……
Гл. 23
Реальность псевдоцивилизации…….
Гл. 24
Мифологические иллюзии против истины……
Часть IX
Граница различных моделей цивилизаций
Гл. 25
Аскетизм……..
Гл. 26
Спартанские нравы
Гл. 27
Разум цивилизации против рассудка культуры…….
Часть X
Фрактальная система исторических координат
Гл. 28

Дежавю исторического самосознания и линейные закономерности научного сознания…….

Гл. 29

История дежавю высших ценностей мировой истории……..

Гл. 30

Исторические горизонты космически-технологической модели мировой цивилизации…….

Часть XI

Процесс формирование цивилизации в мировой истории

Гл. 31

Многослойный уровень культуры……

Гл. 32

Направление исторического развития новой модели цивилизации

Гл. 33

Действие великой исторической идеи после переоценки ценностей

Часть XII

Цивилизация – это то, что существует за поверхностью мифологии культуры

Гл. 34

Основная проблема XXI – мифология вместо разумной действительности….

Гл. 35

Разумные перспективы будущего…….

Гл. 36

Материя времени разумной действительности…….

Часть XIII

Действия высших ценностей в мировой истории

Гл. 37

Противоречия земного и космического в энергии материи времени…….

Гл. 38

Фрактальные циклы событий мировой истории……..

Гл. 39

Разум мировых исторических событий……

Школа рациональной мысли

Часть I

Цивилизация – это разум, который создает иерархию в самосознании высших исторических ценностей

Гл.1

Историческая реальность высших ценностей

Александр Македонский: «Я — великий царь Александр».
Диоген: «А я — собака Диоген.
(Прозвище «собака» ему дал Платон).
……
Александр: «Проси у меня чего хочешь».
Диоген: «Отойди, ты заслоняешь мне солнце» — и продолжил греться.
Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

Выделение нами такого явления как псевдоцивилизация нам необходимо для того, что понять, чем является цивилизация по отношению к историческому разуму. Мы слышим очень много разговоров о цивилизации в наше историческое время, но практически все они протекают за пределами разума, то есть за пределами понимания того, какое разумное содержание имеет исторический феномен цивилизации. Здесь мы, вслед за Гегелем, полагаем, что цивилизация существует только там и тогда, где присутствует какая-то разумная модель государственного устройства, то есть в том историческом пространстве, в котором разумным людям удалось объединиться на основании какого-то комплекса разумных идей. И хотя понятие цивилизация у всех на слуху в словесных дискуссиях многочисленных СМИ, в которых утверждается, что она и здесь, и там, то есть встречается на каждом шагу, – мы придерживаемся полярно-противоположной позиции, подобной тому, которая возникла в позиции известного греческого философа Диогена, который, находясь среди людей, утверждал, что он ищет человека с фонарем, но нигде его не находит. Возможно ли такое, находясь среди людей, утверждать, что человека среди них нет? Понятно, что в системе обыденных представлений о реальности, где действуют только поверхностные схемы абстрактного рассудка, чья стихия – бытовое сознание, это невозможно, но для полноценной философской мысли то, что кажется простым и не вызывающим каких-то вопросов на уровне сознания реальности, может показаться очень сложной задачей в понимании явления с позиции разумной действительности. А поскольку наш метод понимания ценностей – философский, то вопрос, ответ на который кажется для подавляющего большинства людей очевидным, для исторической философской мысли, наоборот, становится сложнейшей философской задачей.

Особенностью любой полноценной философской логики является то, что она акцентирует свою мысль исключительно в разумных идеях. В этом смысле, известная идея Диогена не менее актуальна в наше историческое время, чем и более двух тысяч лет назад, поскольку если человек, следуя современной логике биологической науки, является, в первую очередь, животным, то где же тогда сам человек, то есть где – то разумное существо, которое из столетия в столетие, из тысячелетия в тысячелетие строило мировую цивилизацию, то есть где сама разумная идея человека? Ведь возникает вполне закономерный вопрос: разве может человек быть в первую очередь биологическим существом, если мир природы лишен зачатков цивилизации в качестве сложнейших технологических инструментов, а человек ими в полной мере обладает? Понятно, что нам сразу же укажут на исключительные достижения современного научно-технического прогресса, доказывая отличие человеческой культуры от остального животного мира. Но проблема состоит в том, что, например, в эпоху между Темными веками и Средневековьем в момент распада античной цивилизации отличие человека от животного доказывалось исключительно тем, что в человеке есть искра божья. Но наука отрицает существование Бога, и кто тогда прав: наука или религия в определении того, что такое человек, если учесть, что через пару тысяч лет в сознании человек в мировой цивилизации будет доминировать какой-то другой великий миф?

В судьбе Диогена, помимо его известной идеи о поиске человека, есть еще один важный момент для понимания взаимоотношений между мировой политикой и философией, связанный со встречей Диогена с А. Македонским. Речь идет о приоритете ценностей сознания и самосознания, поскольку сознание всегда существует в реальности, а самосознание – в разумной действительности, находясь с первым в противоречии. В этом смысле, акцент на чем-то одном неминуемо приводит к конфликту этой различной системы ценностей, поскольку очевидно, что оба участника диалога: и А. Македонский и Диоген – это представители высшей исторической культуры, которая очень малочисленна по отношению к тому многообразию различных ее полей, которые существуют как информационный поток памяти мировой истории. Но уже тот факт, что мировая история сохранила для нас этот исторический диалог, уничтожив в исторической памяти другие сотни миллиардов человеческих диалогов на различные быто-

вые темы, говорит о многом. Это говорит о том, что в нем существуют те значительные ресурсы разумного понимания мировой истории, которые необходимо вновь и вновь переосмысливать каждой исторической эпохе. И каждая историческая эпоха сверяет свою шкалу ценностей на подлинность, постоянно возвращаясь назад, к тому наиболее существенному наследию прошлого, которое является своего рода маяком в этом бескрайнем и бесконечно сложном океана исторической памяти.

Что же находим мы в этом замечательном историческом диалоге, в котором отчетливо просматриваются позиции, с одной стороны, великой политики, а с другой, такой же великой позиции философской мысли? Во-первых, мы обнаруживаем эпицентр мировых исторических события в конкретном историческом месте и в конкретное историческое время, где он является эпицентром развития истории мировой цивилизации. Так, Македонский, будучи учеником великого Аристотеля, выражает наступлению европейской культуры на Восток в тот момент, когда она находилась в состоянии одного из своего наивысшего подъема культуры; а Диоген – среду др. греческой философской мысли, когда она была представлена своими наиболее выдающимися представителями, такими как Платон. Понятно, что понять масштаб этих исторических личностей с позиции российской культуры крайне сложно, поскольку она еще находится в наше время в младенческом состоянии сознания по отношению к высшим ценностям мировой истории. Аргументом последнего является известное изречение Ломоносова, на день восшествия на престол императрицы Елизаветы» (1747):

Может собственных Платонов

И быстрых разумом Ньютонов

Российская земля рождать.

Понятно, что качество подобных оценок по отношению к событиям мировой истории демонстрирует настолько далекое отношение к пониманию разумной сущности мировых исторических событий, что это даже трудно оценить. Но можно однозначно понять, что подобные оценки существуют полностью за пределами разума, поскольку в истории философии, как мы полагаем, Платон, как и Гегель, являются двумя самыми крупными философами в мировой истории, равно как и Ньютон однозначно входит в тройку трех самых выдающихся физиков в истории мировой науки. В подобной цитате Ломоносова, именем которого назван, как известно, Московский университет, отчетливо выражено нулевое понимание того, что такое разумный человек, и, как следствие, чем является мировая цивилизация, поскольку на всем протяжении мировой истории ее строили именно разумные люди. Рождаться же и умирать, очевидно, могут все, как, впрочем, и остальной животный мир, существующий рядом с человеком, которому не свойственна иерархия по отношению к высшим и низшим ценностям, поскольку животный мир лишен причастности к разуму. Но, к сожалению, и в наше историческое время российская реальность не особенно утруждает себя пониманием разумных законов мировой цивилизации, что, впрочем, стоит ей очень дорого.

Данный фрагмент суждений Ломоносова демонстрирует глубокий провинциализм российской исторической мысли по отношению тому, что определяет разумные законы мировой цивилизации, поскольку она пока существует полностью за пределами понимания иерархии ценностей по отношению к качеству рациональной мысли. И действительно, если полагается, что может наступить историческое время, когда российская культура сможет «штамповать» Платонов и Ньютонов, то что это за такая культура, в которой нет элементарного понимания: какой исторический вклад каждый отдельный индивид привносит в культуру мировую? А иерархия возникает в культуре только тогда, когда в ней существуют отчетливые позиции исторического разума, то есть взаимосвязь разумных людей, которые и создают в ней основы цивилизации. Ведь цивилизацию от культуры, в первую очередь, отличает уровень иерархии

по отношению к разумному пониманию мира, – это главный критерий вообще присутствия цивилизации в качестве доминанты какой-то системы ценностей в определенный исторический момент времени. Если же сравнить, с точки зрения иерархии ценностей, качество цивилизационной мысли Ломоносова по отношению к ее вкладу в мировую цивилизацию, то он поразительно напоминает нам уровень первомайских лозунгов первого десятилетия власти большевиков, где тоже декларировалось нечто подобное, то есть вера в то, что неграмотная и необразованная масса людей будет в будущем рожать «Платонов и Ньютонов».

Вообще, не трудно заметить, что и современная российская гуманитарная мысль недалеко ушла от логики суждений Ломоносова и лозунгов пролетарских агиток первого десятилетия советской власти, где полагается, что пафоса веры достаточно, чтобы в определенной исторической среде присутствовали начала цивилизации. Мы же утверждаем, что этого явно недостаточно, хотя современная российская культура так и осталась приблизительно на этом же уровне. Точнее, было бы сказать, что этого было бы достаточно для какой-нибудь провинциальной культуры, которая существует где-то на периферии мировой истории, особенно ни на что не претендуя; но только не для культуры, которая оказалась в эпицентре наиболее острых противоречий мировых исторических событий. И если до недавних исторических событий так оно и было, когда подражательная российская историческая культура и была таковой, за исключением космического прорыва во второй половине XX века, то в наше историческое время ей уже не отсидеться за этой сомнительной попыткой подражания всему тому, что выработала мировая история в своей системе высших ценностей. Полагать же, что традиционная культура – это панацея от всех бед, которые несут в себе разрушительные действия современной псевдоцивилизации, ошибочно, поскольку псевдоцивилизация, в отличии от цивилизации, научить уже ничему не может, кроме как усиливающейся деградации человека, но это только, с одной стороны. А с другой стороны, основная мощь власти над сознанием человека в энергии псевдоцивилизации сосредотачивается в остроте тех противоречий, которые она передает, как эстафету, новой модели мировой цивилизации, поэтому уклониться от ее разрушительного воздействия невозможно, забиваясь в угол, как загнанная мышь. Поэтому единственный путь построения новой модели мировой цивилизации, от которого не может уклониться ни один народ в мировой истории, – это подобные противоречия разрешить. Однако не стоит питать иллюзий, что разрешение определенного комплекса исторических противоречий не предполагает дальнейшего их возникновения в своей неизвестности в качестве появления тех новейших политических сил, которые определяют ход мировой истории. Наоборот, именно острота исторических противоречий и является подлинной энергией развития любой модели мировой цивилизации. Поэтому чтобы начать строительство новой модели цивилизации, необходимо сначала разрешить противоречия старой модели цивилизации в состоянии ее глубокого распада, то есть в состоянии псевдоцивилизации.

Возвращаясь к известному диалогу между Македонским и Диогеном, который очевидно не случайно сохранила для нас мировая история спустя почти две с половиной тысячи лет, мы, в отличии от известных ценностей российской культуры, оказываемся в эпицентре событий мировой истории на одном из ее глобальных переломов, если учесть, что в этот момент европейская цивилизация начала свою экспансию на Восток в качестве завоевательных походов Македонского, которые, как известно, закончились образованием поля эллинистической культуры с влиянием др. греческого наследия ценностей. Именно здесь решалась судьба мировой цивилизации в мировой истории в то историческое время. И, в отличии от поверхностной дискуссии о дальнейшей исторической судьбе мира, которая характеризует современный российский дискурс, диалог Македонского и Диогена исключительно важен со стороны понимания различий между мировой культурой и мировой цивилизацией. Впрочем, мы вообще нигде не обнаруживаем элементарной рациональной дискуссии о будущем мировой цивилизации, поскольку западноевропейская модель развития почти закончила свое существование, а

в России она практически отсутствует в силу отсутствия в ней рациональной школы мысли. Переливание же из пустого в порожнее, чем здесь занимаются те, кого называют здесь «российской интеллигенцией», годится лишь в качестве игры детей в песочнице, которые строят свои детские замки из песка инфантильных воображений о реальности, игнорируя разумные законы развития мировой цивилизации. Отсутствие понимания ценностей разумной действительности – вот главный приговор тому, что здесь называется «интеллектуальной дискуссией».

Этот диалог нам важен по нескольких причинам, характеризующим разумные ценности развития мировой цивилизации. Одна из них – это выбор историческим субъектом ценностей, где, с одной стороны, выступают все земные человеческие блага, а именно, со стороны Македонского, а с другой, наоборот, аскетизм образа жизни с отказом от этих социальных благ, который выражается со стороны Диогена, одного из наиболее ярких представителей др. греческой философской школы киников. Легенда сообщает, что начинал он как Ницше, то есть с переоценки ценностей сознания, когда стал фальшивомонетчиком, будучи сыном менялы, реализуя дельфийское пророчество пифии. Но позже, осознав, что духовные ценности выше материальных, принял их сторону, доказывая своим непосредственным образом жизни, что земное – это то временное в сознании человека, которое не может отвлекать его от размышлений в сфере его индивидуального самосознания. Понятно, что со стороны Македонского мы встречаем систему ценностей, в которой объективность действия воли к власти разумного субъекта в мировой истории реализуется в полной мере и даже с избытком, учитывая, что военные походы Македонского реализовали все возможные человеческие амбиции на политическую власть, причем, не в результате каких-то наследственных привилегий или дворцовых интриг, а на поле боя, то есть вполне заслуженно.

Так, все земные блага мира в качестве возможности их обладанием столкнулись с тем, что их полностью отвергает на основании философской позиции мысли. Заметим, что не все великие политические деятели, обладающие максимальными возможностями в обладании земными благами, которые дает политическая власть, полагали это ценностью своей жизни. Например, Фридрих II Великий, король Пруссии (1740–1786 гг.), в полной мере довольствовался очень малым в своей резиденции Сан-Суси, где он жил довольно скромно. В покоях не было излишеств: узкая кровать за ширмой, минимум личных вещей. В первую очередь, он уделял время государственным делам и общение с интеллектуалами своего времени. По-видимому, этот приоритет в выборе ценностей, в которых доминировали ценности высшие и стали поводом признать его великим в национальном сознании исторической памяти. Подобные исторические ссылки нам необходимы для того чтобы показать, какая огромная дистанция для выбора ценностей существует в непосредственном образе жизни человека в сознании. Чем же определяется этот выбор ценностей в непосредственном образе жизни человека? Мы утверждаем, что он определяется непосредственным влиянием действия его самосознания, которое в свою очередь определяется глубинами действия его бессознательной памяти. Так, поле исторической памяти воздействия учения Аристотеля на формирование Македонского определило развитие его самосознания, если учесть, что Аристотель, безусловно, является одним из самых выдающихся философов в истории, а у Диогена – общение со средой, которую формировали такие великие философы, как Платон.

Как известно в момент общения с Македонским Диоген находился в пифосе — большом глиняном сосуде, тем самым высказывая максимальное пренебрежение ко всему земному, в том числе и к выдающемуся полководцу, с которым вел диалог, который определял в то историческое время своей индивидуальной политической волей разумный дух развития мировых исторических событий. Так, мы имеем: с одной стороны, бочку, в которой сидит выдающийся философ, игнорирующий все земные человеческие блага, а с другой, великий полководец, который всеми этими земными благами обладает. Первое, что сразу бросается в глаза при первом сравнении, – это дистанция полярно противоположных приоритетов ценностей

и одновременная близость судьбы этих двух великих людей, определяющих дальнейший ход мировой истории: один – в геополитике, другой, во многом, в философии. Другими словами, со стороны субъективной позиции воли мы обнаруживаем полярно противоположные системы ценностей, а со стороны объективности разумных законов развития мировой цивилизации – единство индивидуального самосознания в качестве движущей силы событий мировой истории.

Вообще, выбор этого исторического диалога между двумя великими людьми своего исторического времени нам необходим для того чтобы понять, чем в разумной действительности является цивилизации, поскольку это понятие стало в наше время какой-то «половой тряпкой», которой различные неразумные интеллектуальные силы размахивают как своим знаменем. Последнее, объясняется тем, что диалог разумных людей практически исчез в последнее десятилетие, тогда как разного рода иррациональные политические силы к цивилизации имеют очень косвенное отношение. Понятно, что, с точки зрения поверхностных представлений, «цивилизацией» можно зазвать все, что угодно, лишь бы это имело какое-то хотя бы косвенное отношение к научно-техническому прогрессу. Но такого рода оценки, которые не утруждают себя поиском разумных оснований любого явления, обречены на забвение, в первую очередь, разумными законами мировой истории. А понятие «цивилизация» в наше историческое время является одним из фундаментальных в той острой идеологической борьбе, которая ведется в наше время в геополитике. Понятно, что махать этим понятием как красной тряпкой на пролетарской маевке, что характеризует уровень современной интеллектуальной российской мысли, не удастся. В первую очередь, это не удастся в силу законов развития мировой истории, которые разумны, поскольку они определяются не энергией каких-то племенных этносов, о которых так любят рассуждать в России, стараясь хоть как-то прикрыть крайне слабые в ней позиции мировой цивилизации, а волей разумных индивидуальностей. В вопросе того, что в наше историческое время, «цивилизацией» называется все, что имеет отношение к научно-техническому прогрессу, стоит заметить, что еще тысячу лет назад на протяжении веков, то, что подразумевалось под понятием «цивилизация», ассоциировалось с верой в Бога, а в наше время и сейчас ассоциируется с ней, например, в России и Иране. И возникает принципиальный вопрос: «А что тогда будет ассоциироваться с этим понятием, например, через тысячу лет?».

Таким образом, известное утверждение, которое вошло в мировую историю, характеризующую философию Диогена: «Ищу человека!», мы перефразируем в современном ракурсе исторических противоречий мировой истории нашей философии лигаризма как: «Ищу следы цивилизации!» И как на Диогена подавляющее число людей реагировало как на чудака, который искал то, что было у него перед глазами, так и мы готовы к подобному отношению к себе, поскольку особенность философской мысли такова, что, если что-то для массового сознания кажется очевидным, то оно же для философского понимания может быть крайне сложной задачей в качестве объективного разумного осмысления. А как же тогда те представители российской гуманитарной культуры, кого здесь принято называть «философами»? На это можно ответить цитатой классика, поскольку классика никогда не умирает: «В России нет философии, но философствуют все, даже мелюзга» (А. Чехов). И действительно, в современной российской интеллектуальной среде следы разумной позиции мысли почти не существуют. Существуют разного рода подражания мысли западноевропейской классической школе, но, во-первых, подражание не может быть разумным по определению самой сущности содержания рациональной мысли; а, во-вторых, историческая необходимость возникновения кардинально новой модели цивилизации, космически-технологической, требует принципиально нового подхода к исторической логике философского мышления. Здесь же умудряются подражать даже псевдофилософии, если учесть подражание интеллектуальным конструкциям постмодернизма. Другими словами, из-за отсутствия разумного понимания ценностей приходится платить в полной мере.

Гл.2
Иерархия исторических ценностей как разумный критерий существования цивилизации

На обратном пути, в ответ на шутки своих приятелей, которые потешались над философом, Александр сказал своим спутникам «Если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном».

Плутарх «Сравнительные жизнеописания»

Насмешки, которые характеризуют попытки массового сознания отрицать разум, который не дает возможности сознанию реальности существовать независимо от высших ценностей мировой истории, демонстрируя временное пребывание человека в мире, всегда было надежным средством в качестве защиты от непонимания того, что выходит за пределы обыденных представлений о мире. В этом смысле, насмешки над Диогеном характеризуют не только спутников Александра, но и личности почти всех философов, которые покушаются на привычные представления о мире в социальной среде, которая их окружает. Показательна в этом смысле позиция Александра, который обладал полной властью над реальностью как великий полководец. Он, как ученик Аристотеля, в отличии от своих спутников, в полной мере понимает позицию Диогена, который оценивает военные и политические достижения Македонского с философской позиции киника, осознавая, что под солнцем ничего не вечно, а земные блага являются преходящими во времени.

Этот пример указывает на другой случай, не так далеко находящийся во времени от данного. Так, он напоминает нам историю усилий Платона по строительству идеального государства во дворе тирана Дионисия Старшего. Как известно, последний, раздраженный критикой философа, продал его в рабство, заметив, что философ будет справедлив и счастлив даже в состоянии раба, будучи таким идеалистом. Мы видим, что великие идеи всегда в мировой истории мешают жить по привычным представлениям реальности, поскольку указывают на разумную природу мира, которая ломает и топологически мнет сознание реальности под воздействием высших законов действия самосознания, то есть культура постоянно теснится воздействием новейших идей развития мировой цивилизации. Впрочем, не только Дионисий был раздражен критическим отношением к методам своей тиранической власти со стороны Платона. Например, Аристофан высмеял эти утопические ценности в возможности строительства идеального государства Платона в своей комедии «Облака», намекая на то, что Платон витает в облаках по отношению к сознанию реальности. И действительно, разумное всегда раздражает привычные социальные представления о мире, которые отрицают ценности реальности, поскольку реальность – это поток монотонных непосредственных чувственных ассоциаций, из которых сознание человека непрерывно получает информацию об окружающем мире. Подвергнуть их сомнению – это значит, потерять взаимосвязь со знакомыми представлениями о реальности, то есть потерять бессознательный инстинкт самосохранения, который связывает сознание человека со всем известным ему опытом культуры. Однако именно этот разрыв и определяет историческую динамику взаимодействия культуры и цивилизации в историческом времени, когда более глубокие ресурсы подсознательной памяти человека воздействуют на более поверхностные слои, заставляя абстрактный рассудок подчиняться разумным законам развития мировой истории.

Как известно, критиковал идеальное государство Платона и Аристотель в своей работе «Политика». Его критика в основном была направлена на сомнительные идеи об упразднении частной собственности и общности жен и детей. Однако мы полагаем, что, если со вторым критическим утверждением Аристотеля можно согласиться, то первую идею необходимо принять,

учитывая то рациональное содержание, которое вкладывал в него Платон. Если с обобществлением жен и детей Платон все-таки погорячился, то с упразднением частной собственности не так все просто, как это кажется таким поверхностным мыслителям, как, например, социологу Попперу, который обрушивается с резкой критикой на «тоталитаризм» Платона. Причины последнего очевидны, поскольку частная собственность – это базовая правовая основа торгово-промышленной модели мировой цивилизации, доминировавшей последние столетия, которая в наше историческое время перешла в состояние псевдоцивилизации, то есть в состояние катастрофического распада. А поскольку великие идеи, как известно не умирают, учитывая, что они возникают из самых глубоких воспоминаний человека, то есть из его духовного самосознания, то эту идею мы неожиданно встречаем в марксизме, хотя Маркса, как все знают, сложно упрекнуть в каком-то идеализме, поскольку его социальная теория целиком и полностью строится, наоборот, на тотальном отрицании идеализма, упрекая историю идеализма в «нищете». Здесь, конечно, Маркс прав, поскольку идеализм резко сужает полноту непосредственных чувственных ассоциаций сознания реальности, требуя их опосредствования в воздействии высших процессов психики. Последние, возникают и действует не из монотонного движения ассоциативных образов, которые всегда доступны сознанию человека, действуя в качестве устойчивого аппарата абстрактной мысли, а из движения энергии материи времени, которая несет в себе взаимосвязь с духовным наследием предков. Вообще, причины, по которым всплыла идея Платона об отрицании частной собственности в социальной теории через почти две с половиной тысячи лет, которая отрицает ценности идеализма, то есть в марксизме, следует остановиться особо, хотя этот момент, как и в случае примера полярно-противоположных ценностей Диогена и Македонского, указывает на могущество власти великих идей, ломающих привычные представлений о мире со стороны законов действия разумной действительности в процессе развития мировой цивилизации.

Если Диоген искал человека, не замечая его среди своих сограждан, то что он имел ввиду? Здесь первое, что приходит в память, – замечание Лейбница о том, что, когда ему в руки попалась неизвестная работа Декарта, то это дало ему полгода полноценной жизни. А как же сограждане Лейбница? Общение с ними разве его не вдохновляло? Ведь он вел активный социальный образ жизни, общался с наиболее выдающимися учеными своего времени. Он лично встречался с Петром I в 1697, 1711 и 1716 годах, консультировал русского царя, разрабатывал проекты реформирования образования и государственного управления в России, а также предлагал создать в стране академию наук. Но почему тогда подобное достаточно обширное общение с выдающимися людьми своего времени не давало ему ту разумную полноту жизни, которую он мог почерпнуть из научных работ Декарта? Мы утверждаем, что это объясняется тем, что уровень общения с ценностями, которые не выходят за пределы сознания реальности, не дает той полноты понимания высших ценностей, которое дает причастность авангардным идеям своего исторического времени. А научные идеи того исторического времени в работах Декарта были авангардными по отношению к пониманию разумной действительности, с точки зрения понимания разумных законов развития мировой цивилизации. Получается, что Лейбниц, как и Диоген, тоже «искал человека» в том смысле, что искал полноту разумного мира, которая только и может оправдать существование разумной индивидуальности со стороны высших ценностей жизни. В этом смысле, «найти человека», причем с «фонарем», то есть в полном мраке реальности, которая непричастна разумным законам развития мировой цивилизации, – это значит, искать новые великие идеи, которые, как это говорится, «витают в воздухе», и лишь требуют понимания своей истины.

Получаются, что жизнь идеи значительно более содержательна, чем жизнь в пределах сознания социальной реальности своей исторической эпохи, которая всегда окружает человека со стороны обыденных представлений о ценностях жизни. Почему жизнь великой идеи более содержательна, чем любая социальная реальность, какой бы энергий она не обладала?

Мы объясняем это тем, что великие идеи обусловлены не земными проблемами человеческой жизни, а постоянным взаимодействием его высших подсознательных процессов психики с энергией космоса. Согласно одной из научных теорий, основные частоты пульсара PSR B1937+21 (нейтронная звезда, оставшаяся после взрывов сверхновых) совпадают с колебательными моделями двойной спирали ДНК человека с точностью до 99,7%. По данным совместного исследования МФТИ и NASA (2025), вероятность случайного совпадения ритмов — 1 к 5 миллиардам. Другое дело, что в отличии от земных ритмов монотонности образа жизни бытового сознания человека, которое почти полностью обусловлено ассоциативными потоками памяти, реагирующими на внешнюю реальность, как у животного, его воля, как разумного существа, определяется этими дискретными потоками высших процессов памяти. Понятно, почему они дискретны. Ведь они идут из глубин Вселенной, когда эти фундаментальные фрактальные последовательности дискретных рядов высших процессов памяти и создают разумные импульсы его подсознательной воли.

Высшие ценности самосознания являются отображением космоса в сознании как всей полноты возникновения и раскрытия модели мировой цивилизации, когда становится понятна функциональная взаимосвязь существования человека в качестве земного существа – с энергетическими ритмами Вселенной, как на генетическом уровне, так и на уровне технологических возможностей достижений цивилизации. Последнее, объясняется тем, что образы высших процессов бессознательной памяти человека постоянно возвращаются к высшим историческим ценностям мировой истории, переосмысливая и переоценивая их. А точнее было бы сказать, что это сами высшие ценности мировой истории переоценивают непосредственную жизнь человека в реальности, что и является подлинным критерием отсутствия или присутствия законов мировой цивилизации в среде того или иного народа. Можно сказать, что высшие исторические ценности являются более живыми, чем непосредственная человеческая жизнь, поскольку постоянно заставляют переосмысливать эту жизнь по отношению к этим ценностям, чтобы понять, чего объективно стоит его индивидуальность перед судом мировой истории.

Но чем являются эти высшие ценности? Мы утверждаем, что они являются духовным наследием предков, которое выражает тот маяк исторической памяти, который никогда не угасает в силу глубины и мощи великих идей, создавших историю мировой цивилизации. Ведь если бы их не было, то человечество бы не развивалось, будучи замкнуто той системой обыденных представлений сознания реальности, которое его окружает в качестве природного существа. Примером отсутствия подобного развития могут быть, например, первобытные племена людей, которых было немало еще в XX веке, чье развитие остановилось на первобытном уровне культуры. Почему эти ценности являются высшими, в отличии от ценностей низших? Для этого достаточно лишь понять, почему имена одних людей мировая история сохранила для потомков, а других, в их подавляющем большинстве, безвозвратно стерла. Первые, остались в мировой истории, поскольку выразили какие-то великие идеи своего исторического времени, причем, в независимости от поля культуры, где возникали эти идеи: религиозные, политические, научные; а другие не смогли подняться выше уровня обыденных представлений о реальности, в основном, выполнив свой лишь по продлению человеческого рода.

Вообще, мы должны понимать, что массовое сознание – это не феномен исключительно нашего исторического времени. Так, система низших ценностей утверждает, что массовое сознание есть феномен высокотехнологической культуры, обусловленный резким развитием научно-технического прогресса. Мы же полагаем, что массовое сознание существовало во все времена истории мировой цивилизации, выражая такое состояние человеческой психики, в которой самосознание человека как разумного существа пассивно, то есть властью над его непосредственным образом жизни почти тотально обладает исключительно сознание. Но сознание человека во многом формируется лишь системой бессознательных влечений как у животного, то есть это такое состояние человеческой психики, в которой действие биологи-

ческих подсознательных инстинктов держит разум в подавленном состоянии. Но почему же тогда современный научно-технический прогресс развивается по экспоненте, с одной стороны, а с другой, все больше и больше удаляя сознание человека от разумных законов развития мировой цивилизации? Это обусловлено тем, что абстрактные ценности постепенно сформировали систему мифологических представлений о реальности, из которых почти полностью исчезло разумное понимание действительности. Эта ситуация подобна тому, когда монотеистическая вера, переварив последние остатки античной модели цивилизации, сформировала жесткую систему религиозных представлений о мире, погрузив сознание человека в мифологическую реальность лишь одного поля, а именно, религиозного, в Темные века мировой истории. Ну и что? А современная научная абстракция погрузила сознание человека в мифологическую реальность исключительности ценностей научно-технического прогресса. Главное, что сближает эти две исторические эпохи – это резкое исчезновение разумной индивидуальности человека, которая не может существовать вне энергии рациональных коммуникаций, то есть вне иерархии высших ценностей, действующих в его самосознании. Например, философские школы античности были закрыты в 529 году н. э**.** по указу византийского императора Юстиниана, что характеризует наступление одних Темных веков по отношению к высшим ценностям жизни, а исчезновение великих ученых новейшего исторического времени в XX веке, указывает на наступление уже других Темных веков, отделяющих процесс распада одной модели цивилизации, торгово-промышленной, и предпосылки для возникновения новой модели цивилизации, космически-технологической.

Таким образом, эти насмешки над позицией великих философов существовали всегда со стороны массового сознания, которое всегда было где-то рядом с человеком как своего рода «сточная канава» низших ценностей сознания реальности. Впрочем, смеялись не только над великими философами, но и над великими пророками, и над великими художниками, стараясь показать, что они витают где-то «в облаках». И действительно, высшие ценности, в отличии от ценностей низших, требуют больших внутренних усилий человека для сопричастности их пространству. Не проще ли упроститься до биологического состояния животного, которое предлагает массовая культура, тем более, что современная наука настаивает на том, что человек является лишь биологическим существом по своим естественным потребностям. Но эти естественные потребности его биологического существа были всегда частью его природы, начиная от первобытной культуры. К разуму они имеют лишь косвенное отношение, поскольку разумная индивидуальная воля человека, в отличии от его влечений, концентрируется в чем-то не земном, то есть в том, что стремится отрицать это земное, то есть отрицать причастность к своему животному образу жизни.

Главная причина, по которой Македонский разделял ценности философии Диогена, состоит в том, что они относятся к высшим ценностям, то есть к ценностям, которые являются внутренней энергией развития мировой цивилизации, поскольку нарушают знакомые представления о мире со стороны неизвестности тех будущих исторических событий, которые меняют ход мировой истории. При этом, и философское, и политическое поле культуры подвергаются топологической деформации ценностей со стороны полемики диалога, который происходит в русле авангардных идей своего времени, если учесть, что за спиной Македонского стоит великая фигура Аристотеля, а за спиной Диогена – не менее великая фигура Платона. Это очень важный момент, который характеризует наличие цивилизации здесь и тетерь. Если же мы оценим современные дискуссии, которые в силу скудоумия нашей исторической эпохи принято называть «интеллектуальными», то не обнаруживаем в них ничего кроме некоторого набора низкокачественных суждений, направленных только на то, чтобы создать видимость какого-то «интеллектуального» диалога. В этом смысле, даже ИИ является более логически строгой системой суждений, чем современные гуманитарные дискуссии о ценностях культуры и цивилизации, поскольку он по крайней мере способен выжимать по максимуму логику мас-

сового сознания из всех полей культуры, не привнося того мусорно-эмоционального потенциала энергии низшей человеческой психики, которая обусловлена непосредственными живыми человеческими эмоциями.

В аспекте данного диалога между Диогеном и Македонским возникает очень важный вопрос: «Если Диоген не видит человека даже в самом выдающемся человеке своего времени, то где же тогда тот человек, которого он ищет?». Именно здесь проявляются великие свойства философии, которые состоят в том, что любая великая идея всегда сохраняет дистанцию с реальностью в качестве возможного потенциала своей переоценки в историческом будущем в качестве неожиданного поворота фрактальной структуры постановки своей задачи в другую историческую эпоху. И, в отличии от логики ИИ, который задачу любого поля культуры сводит к доступности массового сознания, великая идея максимально многозначна, то есть не сводится к операционным возможностям локальных фрактальных последовательностей логики реальности. И не случайно Диоген искал человека «с фонарем», что сближает эту позиции великой идеи с известной притчей Платона о «пещере», в которой блуждают тени людей, лишенные света разума. Ведь Диоген просит Македонского отойти, чтобы иметь взаимосвязь с солнцем, то есть с духовной тайной происхождения природы мира, к которому обращались киники, то есть Диоген как бы указывает Македонскому, что война – это не самоцель в высших ценностях жизни; высшие ценности жизни должны концентрироваться в метафизической загадке происхождения мира. Как известно, империя, которую создал Македонский, оказалась недолговечной, поскольку была лишена именно разумности государственного устройства и могла держаться только на непрерывном ведении войны. Она привнесла в восточный мир лишь культуру, а не цивилизацию, а государство может строиться лишь на какой-то полноценной модели рациональных коммуникаций между людьми.

Гл.3
Анализ российской культуры с позиции высших ценностей

Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине.

Чаадаев

Оценивая современное историческое место российской культуры по отношению к высшим ценностям исторического прошлого мировой истории, мы видим, что оно занимает очень скромное место. Можно прямо сказать, что в обозримом историческом прошлом они отсутствуют, поскольку здесь диалоги о высших ценностях как велись на уровне Ломоносова, так и ведутся в наше время, что ничего хорошего по отношению к ее будущему не предполагает. Эта культура, в основном, носит явно провинциальный характер, который был сформирован воздействием различных моделей цивилизаций, оказывавших на нее влияние в различные исторические эпохи. Но ошибаются те, кто пытается определять современное положение российской культуры как «варварское», замечая, что она как бы выпадает из того единого поля мировой цивилизации, где высшие ценности представлены отчетливо и бескомпромиссно, что, собственно, и является внутренней энергией развития событий мировой истории.

Многие пытались и пытаются в наше историческое время оценивать интеллектуальную позицию Чаадаева как позицию «западника», но он был всего лишь честный человек, обладающий разумом, что уже является своего рода приговором для человека, существующего в России, поскольку разумом здесь обладать не положено. Не положено в силу того, что нужно обязательно принимать позицию какого-то мифологического сознания: религиозного или научного, то есть придерживаться какой-то абстрактной системы представлений о ценностях, которая была бы доступна для понимания всем. Однако природа исторического разума иная. Она, наоборот, предполагает, что разумное всегда существует в конфликте с социальными пред-

ставлениями своей исторической эпохи, поскольку, заглядывая в историческое будущее, разум в своей объективной или субъективной позиции отрицает конечность любых человеческих представлений в любом поле исторической культуры. Ведь не трудно заметить, что все исторические поля мировой культуры постоянно меняются, причем часто радикально, как, например, изменилось религиозное поле европейских и восточных народов в момент перехода от политеистической веры – к монотеистической. Провинциализм российской культуры есть прямое следствие исторической ситуации отсутствия в ней позиции разумного человека. Причины отсутствия этой позиции есть результат отсутствия здесь какой-то системы рациональных коммуникаций, которая определяется в свою очередь системой отчетливых высших исторических ценностей. Пытаются здесь кого-то поднять на щит из своего исторического прошлого в качестве строительства самостоятельной модели цивилизации, но не получается, поскольку отсутствие отчетливой позиции разума исключает возможность строить только из одного поля культуры основы самостоятельной цивилизации. Мы попробуем разобраться с объективно разумной позиции, каковы здесь позиции мировой истории и мировой цивилизации в наше историческое время со стороны высших ценностей мировой истории, поскольку никто подобных усилий здесь не проявляет в силу отсутствия элементарных навыков рационального мышления.

В аспекте тех всемирно-исторических перспектив, которые определяют судьбу российской культуры и российской государственности, мы будет обращаться в первую очередь не к истории государства Российского до 17 года, а в большей степени к периоду советской культуры, поскольку феномен ее существования не осмыслен в наше время никем именно с позиции объективного исторического разума. Причины, по которым он не был осмыслен, следует видеть в отсутствии здесь понимания разумных законов мировой истории, что проистекает из отсутствия рациональной школы мысли как таковой. Одна из причин этого отсутствия проистекает из ограниченности двух подходов понимании истории: на базе религиозного сознания или на базе каких-то абстрактно научных представлений. Уровень современных российских «научных» журналов катастрофически низкий, когда возникает ощущение, что российская гуманитарная интеллигенция просто исчезла. Но ведь была же она когда-то хоть в какой-то минимальной степени!

Во-первых, сразу заметим, что понимание феномена советской культуры необходимо искать в отдаленных событиях мировой истории, причем с позиции фрактального подобия, поскольку любые исторические события повторяются, правда, в качестве неповторимости своей сложнейшей исторической картины целого. При этом, характер исторических событий, который протекал в XX веке, в целом, мы определяем, как процесс расовой катастрофы, то есть как процесс тектонических сдвигов высших бессознательных процессов психики, сопровождающийся катастрофическими последствиями для народов, находящихся в эпицентре развития мировых исторических событий. Во-вторых, не менее важный момент состоит в том, что характер развития мировых исторических событий не линейный, а фрактальный, то есть имеет место некое относительно периодическое повторение этих событий. Относительность подобной периодичности выражается в том, что духовные ценности не могут быть осознаны на уровне абстрактных законов науки, хотя конечно стремиться к их научному пониманию необходимо. Относительная возможность каким-то образом ограничить исторические события линейным законом понимания их развития является прямым следствием духовной составляющей этих событий.

Для понимания исторических событий XX мы должны возвратиться к событиям так называемой «катастрофы бронзового века», которая происходила ок. XIII в. до н.э., когда были уничтожены такие державы как Хеттская, Микены и Крит. В этот исторический момент потеряли свое значительное геополитическое влияние Ассирия и Вавилон, а Др. Египет был потрясен настолько, что выбыл из числа великих держав. Историки указывают на целый комплекс

причин различного характера, начиная от нашествия «народов моря», массовую миграцию населению, многолетние засухи, землетрясения и другие причины. Но мы видим все-таки главную причину в глобальном переходе авангардных процессов развития мировой цивилизации на новый технологический уровень, который предполагал радикальную перестройку высших процессов психики человека, которая взаимосвязана с его наиболее глубокими процессами памяти.

Но в начале возникновения этих событий расовой катастрофы, которая сопровождалась началом Темных веков, мы встречаем нечто такое, на что должны обратить внимание в качестве главной причины событий этой расовой катастрофы. Оно выражается в нашем понимании в том, что в ближайших к этому времени исторических событиях произошла известная реформа в Др. Египте, сопровождавшаяся глобальным изменением всего образа жизни египтян: от религии – до искусства, которая состояла в том, что фараон по существу создал новый государственный культ, который стал первым опытом монотеистической религии почти за полторы тысячи лет до ее победоносного шествия в его мировой истории в качестве двух великих монотеистических религий: христианства и ислама. Речь идет о культе бога Атона, который был провозглашен единственным богом для сознания египтян, что было немыслимо для привычной для них на протяжении, по крайней мере, двух трех тысяч лет их существования власти ценностей политеизма. Этот культ сопровождался переносом культовых святилищ из старых храмов на солнечный открытый свет, когда новый бог стал ассоциироваться с образом диска солнца. Как известно, на некотором историческом этапе времени этот культ стал последовательно уничтожать изображения традиционных египетских богов, чтобы утвердить себя в сознании. Но этот новый культ не прижился. После смерти фараона новая столица, которую он построил, город Ахетатон, пришел в упадок, на новый культ был наложен запрет, а новые правители Египта постарались стереть полностью память о новом культе и о самом фараоне Аменхотепе.

Поясним, почему нам важно углубляться в настолько отдаленные исторические события для понимания разумных законов развития мировой истории. Главная причина состоит в том, что эти события проливают свет на возникновение религии иудаизма, основоположником которой был пророк Моисей, на базе которой возникла религия христианства в наследии Ветхого Завета. Здесь мы принимаем гипотезу Фрейда о том, что Моисей был египтянином, который был одним из сторонников фараона Эхнатона и служителем культа единого бога, который он ввел в египетском государстве. Подобная гипотеза дает нам возможность понять, как духовные ценности переходят от одного народа к другому народу на бессознательном уровне взаимодействия различных культур, когда высшие ценности существуют т как сообщающиеся сосуды в качестве духовной эстафеты мировой истории. Как известно, Моисей вывел еврейский народ из Египта, где он пребывал в рабском состоянии, когда в сознании еврейского народа была сломлена языческая вера и установилась вера в единого Бога. Заметим, что эта бессознательная духовная эстафета произошла еще полностью в языческом мире, который практически тотально доминировал после этого события почти полторы тысячи лет в мировой истории.

Переместившись в новейшие события мировой истории нашего времени, с учетом феномена появления культа Атона, единого бога, при фараоне Эхнатоне, мы обнаруживаем новейшую секту большевизма в России после гибели империи в 1917 году. Какая историческая картина перед нами? Здесь мы сразу замечаем, что и как полторы тысячи лет до н.э., это событие принадлежит времени, где обнаруживаются потрясения всех наиболее влиятельных империй: Османской, Российской, Австро-венгерской и Британской в XX веке. Их как будто что-то смыло во времени, вырвав из них их нравственное основание, но что это было за основание, на котором они держались в веках? Мы утверждаем, что этим основанием были государственные институты, которые сложились в них в процессе раскрытия торгово-промышленной модели мировой цивилизации. Другими словами, действия разумных людей в реализации проекта тор-

гово-промышленной модели цивилизации определяло существование мировой цивилизации как нечто целое на определенном историческом промежутке времени. И вот в момент этой мировой мистерии распада старых представлений о ценностях и одновременного формирования кардинально новых представлений о ценностях, происходит резкий скачок в область неизвестности будущего проекта развития мировой цивилизации, космически-технологической, как в свое историческое время произошел прорыв от многотысячелетней истории языческого мира – к зачаткам веры монотеизма.

Главным моментом в понимании этих двух катастроф мировой истории, в первом случае, является переход от века бронзы к веку железа, а во втором случае, переходом от земных технологий – к космическим технологиям, когда последние в наше историческое время находятся пока в зачаточном состоянии в силу огромных экономических затрат на свои проекты. Основной вывод из оценки этих двух особых периодов мировой истории состоит в том, что цивилизация с первого момента своего возникновения всегда была чем-то целым, если мы рассматриваем ее с позиции разумных законов развития мировой цивилизации. Другое дело, что это целое протекало в тех местах, где концентрировались ее авангардные начала развития: технологические, религиозные, политические. Понятно, что вокруг этих авангардных мест присутствия цивилизации присутствовало определенное пространство варварства, которое часто характеризовалось уровнем развития первобытной культуры. Но необходимо понимать, что и в эти очаги варварства просачивались элементы цивилизации, правда, на самом примитивном уровне.

Подобные исторические периоды мировой истории мы определяем, как периодические процессы расовой катастрофы, которые указывают на ее фрактальный характер. Последнее, характеризуется тем, что единая структура мировой цивилизации постоянно перестраивает свои звенья доминирующих ценностей культуры в проекции на энергию материи времени, которая определяет систему высших ценностей мировой цивилизации в данный исторический момент времени. Образно выражаясь, энергия материи времени топологически «выдувает» определенное пространство культуры на некотором историческом промежутке времени, а затем также топологически сжимает это активное поле культуры в ничто, где оно становится незначительным элементом исторического прошлого.

Не трудно заметить, что феномен советской культуры оказался вызовом единому проекту развития торгово-промышленной модели цивилизации, которая в момент его появления функционировала еще достаточно полноценно. Этот вывоз, в частности, выразился в усилиях по освобождению многочисленных колоний в мире, которые питали активность этой модели своими природными ресурсами. Но здесь ошибочно полагать, что феномен советской культуры был каким-то особым путем развития российской истории. Как раз наоборот. Речь идет о том, что в ее исторической судьбе произошел исторический перелом от одной модели мировой цивилизации к принципиально другой модели в мировом масштабе, как подобным образом в момент возникновения культа бога Атона в Др. Египте произошел кардинальный перелом от языческого мира – к миру ценностей монотеизма. Правда, до возникновения новой модели цивилизации, опирающейся на ценности монотеистической религии, было еще далеко, но и в наше историческое время, судя по общей геополитической ситуации в мире до возникновения единой космически-технологической цивилизации тоже еще не близко. Не близко по очень многим причинам, не только геополитическим, но, в первую очередь, по возможностям научно-технического прогресса, которые являются слишком скромными в наше историческое время для развития этого исторического проекта. Наука в наше историческое время слишком слаба для реализации этого проекта.

Если мы сравним процесс утверждения нового культа бога Атона при фараоне Эхнатоне с утверждением коммунистической идеологии при советской власти, то найдем многие общие черты. Во-первых, это факт навязывание этой новой веры сверху, когда и народ Египта,

и народы бывшей Российской империи оказались в мире, где старые боги были запрещены, а новая вера, можно сказать, опиралась ни на что со стороны традиционных ценностей, если не учитывать ту исключительную агрессивность, которая несла в себе племенная энергия большевизма. Вообще на этой агрессивной племенной энергии большевизма мы должны остановиться особо, поскольку она указывает нам уже на другой аналогичный феномен мировой истории, открытый в своих субъективных размышлениях у Ницше. Мы имеем ввиду открытый им феномен энергии культа Диониса в др. греческой культуре.

Вообще, одним из наиболее выдающихся достижений философии Ницше было введение в историческое мышление философии метода дежавю, то есть опыт сравнительного подобия исторических событий прошлого, когда они предстают в самосознании как энергия жизни настоящего. Собственно, это и есть основа всей философии идеализма, с которой он всю жизнь так ожесточенно боролся. Так, бывает, что, когда человек настолько глубоко входит в конфликт со своим врагом, что практически полностью с ним отождествляется, чтобы найти его слабые места. Впрочем, в большей степени, как мы полагаем, этот метод возник в нем вследствие длительного изучения др. греческой культуры, когда ее высшие ценности буквально все пропитаны насквозь платонизмом, который тоже опирается на этот метод. Для нас в данном случае, важна оценка состояния высших ценностей своей исторической эпохи, которую произвел Ницше, заложив основы субъективного разума в качестве этого метода, который оценивает духовное здоровье своей исторической эпохи.

Понятно, что первый опыт резкого перелома мировой истории к новой модели мировой цивилизации всегда бывает обречен. Он был обречен в реформах фараона Эхнатона, когда после его смерти сила многотысячелетней традиции восторжествовала. Аналогично, и очередной перелом к новому духовному пространству мировой цивилизации был обречен в своем первом опыте в советской культуре, где попытка прорыва к новой модели цивилизации прервалась в силу отсутствия какой-то нравственной основы в рациональной психологии, поскольку для такого резкого цивилизационного перелома должны существовать подобные основы. На одной вере вообще цивилизация не строится, поскольку она строится на самых жестких противоречиях исторической необходимости, когда самосознание оказывается во власти новейших коммуникаций, которых до этого не знал опыт мировой истории. Цивилизация, как мы полагаем, возникает на противоречии с верой, которая существует в качестве знакомых представлений культуры.

Философия Ницше дает нам некоторый ключ в понимании исторических событий XX века, когда показывает, что религия Диониса всегда сопровождает бунт подсознательных племенных инстинктов человека против исторических законов мировой цивилизации, то есть, по существу, против ее разумных законов. И действительно, дорийские орды, разрушившие микенскую цивилизацию бронзового века, были подвержены этой тотальной перезарядке энергии своей активности под воздействием перехода от одной модели цивилизации к другой модели, которая указывала на начало века железа. Причем, если начала культа Диониса существовали в зачаточном состоянии еще в микенской цивилизации в XI в до н.э., то в процессе переплавки дорийских орд в спартанские союзы этот культ максимально активизировался в VIII-VII вв. до н.э., то есть, когда угасли последние следы влияния старой модели цивилизации в ее активности как псевдоцивилизации. Ведь псевдоцивилизация сопротивляется до последнего в том смысле, то необходимо историческое время, чтобы исторический опыт развития старой модели цивилизации в полной мере перешел к ее новой модели развития.

Часть II

Псевдоцивилизация – это историческое время, когда разума старой модели цивилизации уже нет, а разумной политической силы новой модели цивилизации пока еще нет

Гл.4
Подобие мировых исторических событий

Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной.

Чаадаев

Гибель Российской империи мы полагаем, безусловно, трагедией, которая еще не осмыслена в полной мере, поскольку для ее осмысления должна существовать какая-то вменяемая среда по отношению к разуму в современной России, а ее пока здесь нет. Здесь пока самосознание человека полностью подавляют его племенные подсознательные инстинкты, то есть не сформированы еще основы рациональной психологии человека, на которую только и может опираться самостоятельная модель цивилизации. Но, с другой стороны, хотя здесь и произошел откат назад, то есть к спасительному опыту традиции, все-таки начало новой модели цивилизации было заложено духом российской культуры. При этом, опыт советской власти дал лишь опыт какой-то новой культуры, поскольку советская культура – это лишь культура, а не цивилизация, в том полноценном ее существовании, где выделяется и действует разумная индивидуальность человека. Советская культура предполагала лишь агрессивную активность человеческой массы, которая лишена опыта самосознания высших ценностей мировой истории. Именно по этой причине мы согласны с оценкой русской православной церкви, что это была лишь секта новой культуры, подобной в нашем понимании секте манихеев, возникшей в Темные века перехода от языческой модели цивилизации к цивилизации религиозной веры монотеизма на границе VI -VII от Р.Х., или секте бога Атона в Др. Египте при фараоне Эхнатоне на границе XIII в. от Р.Х.

Всем известно, как высоко оценивал русскую пословицу «ни жив, ни мёртв» Шредингер, использовав эту противоречивую оценку для описания свойств квантового мира. Мы также будем ее использовать в оценке высших ценностей мировой истории в нашу историческую эпоху, поскольку существование их в самосознании и является критерием меры активности мировой цивилизации в определенный исторический период времени. И как мы видим, высших ценностей практически нет в современных дискуссиях, которые ведутся на различные интеллектуальные темы в массовом сознании, поскольку массовое сознание их в принципе не предполагает. Так, мы не случайно начали с диалога Македонского и Диогена, когда массовое сознание обтекает позицию разумной индивидуальности со стороны, стараясь всем чем-то только можно заблокировать действие разумной индивидуальности человека в мировой истории: смешками, интригами, животным вожделением или агрессией своего безумия. И если современный постмодернизм попытался систематизировать это усилие массового сознания в его попытке сопротивляться разумным ценностям, то это говорит о том, что псевдоцивилизация в процессе своего распада выстраивает определенную «систему» своих иррациональных связей массовой культуры, выдавая их за присутствие «цивилизации».

Понятно, что дух высших ценностей – это особый дух мировой истории, который действует в ее авангардных связях, где главным его критерием является то, что касается судьбы всех народов, поскольку демонстрирует вектор направления развития мировой цивилизации. С другой стороны, он вступает в противоречия с тем духовным наследием прошлого, которое потеряло достаточный запас внутренней энергии во времени, перезаряжая его новейшей энергией рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Так, например, было в момент перехода от языческого мира к миру религиозных представлений ценностей единого Бога. И главным критерием активности в определенный период развития мировой цивилизации в качестве доказательства ее существования, как мы полагаем, является наличие активности разумной

индивидуальности человека, которая привносит в мир великие идеи ее изменения. Но в эпохи Темных веков качество человека резко снижается вследствие снижения активности возможностей разумного понимания мира, хотя великий социальный миф своей исторической эпохи, наоборот, достигает в это историческое время своей абсолютной власти. Так было в момент гибели Римской империи, когда активность духа высших ценностей уже ушла в прошлое, а зачаточные связи религиозных ценностей монотеизма лишь с трудом теплились за закрытыми стенами монастырей; и так происходит в наше историческое время, когда мифологические ценности сциентизма зачистили любую возможность для разумного человека вести диалог с себе подобным. Но ведь время диалога великих людей когда-то существовало в мировой истории, на что указывает выбранный нами пример диалога Диогена и Македонского (предположительно он произошел в 336 году до н. э. в Коринфе (точнее — в пригороде Крании).

Проблема состоит в том, что выдающаяся личность в мировой истории – это феномен не биологический, а моральный. Причем, моральный аспект появления подобной личности в мировой истории обусловлен не ее биологической исключительностью, а прямо противоположным тому, что выражает активность биологической природы человека, то есть исключительным пренебрежением к этой биологической природе в любом поле культуры: в религиозном, в философском, в политическом, за исключением, быть может, поля науки, хотя и в нем прослеживается, в основном, эта логика. В этом вопросе Фрейд продвинулся только по минимуму, утверждая, что основы культуры создают вытесненные влечения, то есть он ограничился в своем учении лишь исследованием феномена бессознательном со стороны его массовой природы. И действительно, культура, которая в любом случае имеет свое подтверждение в каком-то массовом поле исторических ценностей, функционирует за счет вытеснения подсознательных влечений энергией известных абстрактных представлений о мире. Для обыденных представлений о реальности подобного характера действия воли человека достаточно, чтобы этот минимальный заряд его воли был активен для его непосредственного бытового сознания. Но для существования в энергии рациональных коммуникаций подобной энергии явно недостаточно, поскольку энергия массового бессознательного – это энергия минимальных ресурсов подсознательной памяти человека, в пределах которой он балансирует между животным миром и миром разумной действительности. Он то заваливается в первый мир, теряя свой человеческий облик, то, хватаясь за какую-нибудь абстракцию, переваливается в мир человеческого общения, которое, однако почти полностью лишено какой-то элементарной разумной рефлексии поведения в качестве выполнения своего долга перед высшими ценностями. Последнее, характеризуется уровнем дискуссии в современных социальных сетях, где наличие разума исчезает практически полностью, а на первый план выдвигается активность либидинозных связей массового подсознания. Через массовое бессознательное в энергетические импульсы подсознательной воли сознание человека получает весь многообразный информационный материл о внешнем мире природы, который выражает коммуникационный уровень сознания.

Причины, в силу которых в России произошел откат от передовых позиций в устремлении к новой модели мировой цивилизации в сторону традиционных ценностей, аналогичен тому откату к наследию традиции, который произошел после попыток фараона Эхнатона утвердить в стране культ единого бога Атона. Другими словами, подобный процесс следует полагать исторически необходимым, поскольку контуры новой модели цивилизации заявляют о себе издалека, при этом тотально нарушая тот многовековой, а то многотысячелетний уклад жизни, который складывался в цивилизации как доминанта власти патриархального духа над животными влечениями души. Подобный пример мы, в частности, находим в появлении христианской общины коптов в Египте в III–IV веках, когда сознание единого Бога возникает из глубин высших процессов памяти и постепенно начинает уже триумфальное шествие в мировой истории, наращивая в мировой истории свою власть над самосознанием человека. Дру-

гими словами, сырость великой идеи, меняющей судьбу мировой цивилизации, первоначально должна провариться в высших процессах памяти в столкновении со знакомыми ценностями, которые привычны для непосредственного образа жизни человека. Но это не говорит о том, что, появившись в сыром виде, в смутных контурах своего присутствия в сознании, великая идея умирает.

В момент появления первых христианских общих в III–IV веках от Р.Х., как известно, стали возникать и очень влиятельные мировые секты, например, манихейство, когда единственным государством, где оно смогло прийти к власти – это был Уйгурский каганат в 762–840 годах, где манихейство стало официальной государственной религией. Ведь манихейство тоже частично опиралось в своей идеологии на религиозные ценности Нового Завета, то есть на новейшие великие идеи своего исторического времени. Рассматривая причины, в силу которых большевизм в своей агрессивно биологической энергии смог захватить власть в Российской империи, мы находим их в слабости ее государственных институтов, поскольку государственные институты всегда опираются на те или иные рациональные коммуникации между людьми. Здесь не стоит забывать, что еще за три столетия с половиной до гибели Российской империи, Москва была сожжена крымским ханом Девлет-Гиреем в 1571 году. Причем, это произошло уже после взятия Казани в 1552 году войсками Ивана Грозного. Поэтому рецидив взрыва племенной энергии большевизма был здесь вполне естественным по той причине, что за три столетия существования государства здесь не могли сложиться устойчивые государственные институты, они были исторически рыхлыми по отношению к потенциальным возможностям внутренних социальных потрясений.

Но слабость государственных институтов Российской империи не может объяснить феномен появления в ней зачатков новой модели мировой цивилизации, космически-технологической, ибо для объяснения этого феномена должны быть найдены, наоборот, какие-то исключительно позитивные начала ее культуры. И таковые находятся в интеллектуальном течении так называемого «космизма». Причем, если со слабостью государственных институтов в России должно быть все ясно, то с появлением русского космизма необходимо искать основы прямопротивоположные слабости цивилизационных основ культуры, то есть не в чем-то биологически-племенном в энергии подсознания, а в разумных процессах мировой цивилизации в развитии мировой истории. В русском космизме, как известно, переплетаются по крайней мере, два поля культуры: религиозное и естественно-научное, когда главной причиной его появления является предпосылка для исторического возникновения новой модели мировой цивилизации. И в этом смысле мы должны отделить идеологические ценности секты коммунизма от элементов новой модели мировой цивилизации, которое сопровождали ее мистериальное явление в российской истории.

Для нас главным критерием существования реальности мировой цивилизации является активность в ее рациональных связях определенных высших ценностей, то есть ценностей, которые разделяют все разумные люди на Земле. Так было, например, в историческое время почти полного доминирования ценностей монотеистических религий в историческом сознании в Средние века или власти ценностей фундаментальной науки до недавнего исторического времени, когда они владели умами выдающихся людей на определенном историческом промежутке времени последние три столетия в реальности торгово-промышленной модели мировой цивилизации. Эти ценности в качестве философского наследия средневековой схоластики и классической западноевропейской философии питали сознание человека разумной полнотой мира, как, впрочем, и классическая литература, и искусство. Но в наше время их огонь все слабее и слабее влияет на сознание людей, поскольку расовая катастрофа тектонических изменений высших процессов памяти человека указывает ему на кардинально изменившуюся картину мира, где разумное целое окрашено какими-то зловещими тонами эмоциональных обра-

зов текущей реальности, как будто все горит в невидимом огне неизвестности наступающих исторических событий.

У нас есть собственная концепция феномена массовой культуры и ее производной, массового общества, которая сводится к факту постепенного исчезновения рациональных коммуникаций в отчетливой модели мировой цивилизации, где ранее доминировали высшие ценности жизни. Нам известны негативные оценки массовых ценностей европейскими интеллектуалами, такими как: Шпенглер, Ортега-и-Гассет, Ясперса, Бодрийяр и Хайдеггер, когда появление массового сознания стало постепенно возобладать над разумом в период 1920-1960 гг. Но все эти оценки, как правило, сводят негативность его исторического появления к разрушительному воздействию цивилизации на культуру, что в принципе не может дать ответ на феномен его возникновения. Во всех этих оценках мы обнаруживаем отчетливое отсутствие главного, что может пролить свет на понимание проблемы этого явления разумного понимания, поскольку человеческие эмоции – это не лучший помощник в таких вопросах. Рассудочные же схемы, которые привлекаются в исследовании подобного вопроса, лучше в наше историческое время использует ИИ, поскольку он в большей степени способен переработать решение какой-то поставленной задачи на основе возможностей своих алгоритмических операций в любом поле культуры. Другое дело, что решение любой поставленной задачи ИИ сводит к массовому сознанию того поля культуры, в пределах которого эта задача поставлена, то есть не ответит разумно на поставленный вопрос, а лишь опишет наиболее оптимальную логическую схему ответа.

Таким образом, хотя европейские интеллектуалы и попытались более-менее внятно ответить на исторический вызов времени в оценке текущих исторических событий, их ответы существуют за пределами разума, где: либо феномен научно-технического прогресса объявляется панацеей от всех бед, либо, наоборот, оценивается как источник этих бед. Так, одни пытаются оправдать и надеяться на ценности научно-технического прогресса, что приводит к исторической необходимости делегировать все разумные суждения ИИ, либо, наоборот объявить научно-технический прогресс современным врагом человечества как мировое зло цивилизации. Все эти интеллектуальные позиции мысли всем хорошо известны, и нет смысла на них останавливаться. Основная их слабость – это слишком примитивное понимание мировых исторических событий, то есть отсутствие понимания в них каких-то разумных оснований как логики их явления.

Из всех вышеназванных европейских интеллектуалов, которые пытались ответить на остроту противоречий своей исторической эпохи, ближе всех к пониманию феномена псевдоцивилизации подошел Шпенглер, но не со стороны разумного понимания этого явления, а лишь в качестве рассудочно описательной схемы. Его, как и всех вышеупомянутых европейских интеллектуалов, в основном, интересовало оскудение полноты высших ценностей своей исторической эпохи, в чем он, как известно, винил разрушительные процессы «цивилизации». Во многом осознание феномена псевдоцивилизации было осмыслено мной именно после размышления над его работами, где этот феномен он называл «феллахской культурой». Нащупав пространство псевдоцивилизации в его основных признаках: исчезновение связи с духом высших исторических ценностей, появление «народов-трупов», культ массового потребления и тому подобное, он описал эти состояния псевдоцивилизации в тех культурах исторических народов, которые, как он полагал, были частью мировых исторических событий. Но абстрактная схема рассудка не подходит для понимания мировых исторических событий по той причине, что мировая история определяется своим духовным потенциалом, который необходимо разделять своим разумом, чтобы быть ему причастным. В этом смысле, никто из вышеуказанных интеллектуалов не смог привлечь возможности рационального мышления, поскольку в это историческое время они почти исчезли в европейской интеллектуальной среде.

Гл.5
Феномен псевдоцивилизации

Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями.

Чаадаев

Хотя Шпенглер не смог дать рационального определения псевдоцивилизации, именно он натолкнул меня на идею о фрактальном характере течения мировых исторических событий, которые, во-первых, обладают подобием; а, во-вторых, различаются определенной топологической архитектоникой своего пространства ценностей. Можно сказать, что он был первый, кто показал, что культуры исторических народов различает их архитектоника пространства исторического времени, где материальные артефакты во всем их многообразии указывают на это подобие, которое, правда, различает их фрактальная неповторимость. Неповторимость состоит именно в отдельных элементах этой архитектоники пространства, как, например, египетских пирамид, др. греческой скульптуры или западноевропейской живописи. Наибольшая близость в понимании исторического феномена псевдоцивилизации, в отличии от других мыслителей, обусловлена у Шпенглера тем, что немецкая культура вступила в торгово-промышленную модель цивилизации последней, с трудом преодолев средневековую раздробленность за счет реформаторской деятельности протестантизма. Поэтому в какой-то степени она оказалась частично свободна от того процесса тотального распада торгово-промышленной модели цивилизации, который активизировался в XX веке, будучи вызванным процессом расовой катастрофы, то есть постепенным забвением духовной взаимосвязи с высшими ценностями мировой истории. И, собственно, этот разрыв с духовным наследием высших ценностей она пережила наиболее болезненно, на что указывает, в первую очередь, философское наследие Ницше как феномен метода дежавю в бессознательной реакции на исчезновение в памяти этого наследия высших ценностей мировой истории.

У Шпенглера, как, впрочем, и у подавляющего большинства мыслителей, пытавшихся понять феномен псевдоцивилизации, наивысшую ценность имеет великий миф, который является «душой» той или иной культуры, что в принципе правильно. Однако мифология сознания – это как раз то, что противостоит разумным историческим законам мировой цивилизации, а потому подобная позиция рассудочно-описательного понимания мировой истории и приводит к выводам о «закате Европы». Но с позиции разумных законов развития мировой истории именно цивилизация формирует полноту пространства культуры, поскольку цивилизация – это энергия материи времени, во власти которой существуют одновременно все народы в определенную историческую эпоху. Другое дело, что вклад этих народов в мировую историю со стороны высших ценностей различный. Например, если оценить вклад африканских народов в эпоху диалога Македонского и Диогена, то они почти все существовали на уровне первобытной культуры, хотя процессы развития мировой цивилизации проникали и в их судьбу, особенно через территорию северной Африки, через Египет и Эфиопию, которые находились ближе к эпицентру мировых исторических событий. Но судьба мировой истории решалась все-таки в том эпицентре исторических событий, где происходил диалог Диогена и Македонского. Существованием одновременности всех отдельных полей культуры народов является космический ритм высших процессов памяти, который характеризуется наличием у всех народов культа предков. Можно сказать, что судьбы всех отдельных народов колеблются в одном космическом ритме мировой истории, создавая лишь локальные очаги пространства культуры. Правда, Шпенглер тоже пишет об этом космическом ритме, однако этот ритм не выделятся им как основание разумных законов развития мировой истории, а характеризуется лишь как нечто мифологическое в сознании, где преобладают рассудочные оценочные конструкции «фаустовской» или «аполлонической» души. Понятно, что в наше историческое время, когда научно-техни-

ческий прогресс использует уже научное биоинспирированное конструирование нейронных сетей ИИ, то есть учёные берут за основу принципы, которые осмыслены в биологии, и переводят их на язык математики, этот оценочный подход явно является архаичным. Подобный подход годится для художника, который мыслит мир образами, но для рациональной мысли главное понять явление через его внутреннюю сущность, которая соответствует авангардным достижениям современного рационального мышления.

Однако для своего исторического времени, подход в понимании мировой истории у Шпенглера был, безусловно, интеллектуальным прорывом. Этот прорыв характеризовался тем, что он выделил космический ритм как нечто единое для судьбы всех мировых народов, в котором их развитие колеблется в этом ритме около какого-то одного центра высших ценностей мировой истории, или хотя бы по минимуму – вокруг того или иного культа памяти предков. Наша позиция отличается от его подхода тем, что мы пролагаем, что описательная схема абстрактного рассудка в принципе не способны понять разумные законы развития мировой цивилизации, поскольку они в любом случае сводятся к массовому сознанию, а массовое сознание всегда противостоит разумным законам развития мировой цивилизации, рассматриваем ли мы наше историческое время или время эпохи Македонского и Диогена. Попытка рассудка лишь абстрагироваться от событий мировой истории, а не разделять их в энергии причастности своего индивидуального духа, неизбежно приводит лишь к поверхностным ее оценкам. Человек как бы смотрит на историю со стороны, как будто просматривает документальную последовательность исторических фактов в определенной картине событий, которые связываются не изнутри, то есть со стороны их духовного единства, а с поверхности той выбранной рассудочной схемы, которая произвольно выбрана для изложения этих фактов.

Единственный опыт понимания исторических событий изнутри их духовной составляющей с позиции высших ценностей, как мы полагаем, следует видеть в философском наследии Ницше, который реанимировал основополагающий принцип истории философии идеализма с неожиданной стороны. Он прямо высказался в том смысле, что грядет принципиально новая культура новой модели мировой цивилизации, которая сожжет предшествующий ей опыт. И действительно, племенные орды фашизма, большевизма и маоизма были теми разрушительными полями провозвестников новой культуры, которые, как в свое время, народы моря, разрушили могущественные цивилизации Др. Востока. Понятно, что современная интеллектуальная среда социальных ценностей псевдоцивилизации пытается приукрасить произошедшие трагические события современной мировой истории, конструируя эти обломки старой модели как нечто целое, но время не обманешь. Мировая история пережила не одну историческую модель цивилизации, которая также цеплялась за свои обломки в своих попытках сохранять влияние в мире, который потерял свое разумное основание.

В работах Шпенглера заметно влияние идей Ницше. Но все-таки если Ницше является философом первого ранга по уровню радикальности влияния своих идей, захватывая элементарные позиции субъективного действия исторического разума своей исторической эпохи, то у Шпенглера это отсутствует. Ведь главный критерий разумного понимания действительности состоит в том, что при даже самой негативной оценке ценностей своей исторической эпохи разум должен показывать перспективу для дальнейшего развития мировой цивилизации, поскольку разумное понимание исторических событий всегда указывает на будущее, будь это субъективная или объективная позиция философской мысли. Поэтому самое слабое место исторической концепции Шпенглера – это отсутствие разумной логики исторических событий, а позитивный момент состоит в появлении интуиции фрактального хода мировой истории, который просматривается в понимании конструктивного строения подобия отдельных культур исторических народов. Другими словами, наиболее ценным является описательный метод возникновения, становления, расцвета и гибели отдельных культур исторических народов как

подобных друг другу фрактальных структур в их архитектуре, науке и политическом строении социального целого.

Рассматривая процессы мировой истории с объективно-рациональной основы духовной природы ее высших ценностей, мы полагаем, что что эти ценности демонстрирует именно цивилизация, а не культура. Культура может разделять разумную природу мира, а может и не разделять, тогда как духовная основа высших ценностей всегда требует присутствия исторического разума, какое бы поле культуры мы не рассматривали. Одним из наиболее таких ярких исторических примеров является диалог между Македонским и Диогеном. Например, первобытная культура африканских народов в момент диалога Македонского и Диогена их не разделяла, поскольку эти ценности цивилизации в нее еще не проникли. Но в момент расцвета торгово-промышленной модели цивилизации, когда в ней еще была активна разумная индивидуальность человека, эти ценности проникли и в африканские народы, и в наше историческое время африканские столичные офисы и супермаркеты уже практически не отличить от европейских. Правда, социально бытовые комплексы культуры – это все-таки не цивилизация. В наше историческое время они демонстрирует лишь обезличенную массовую инфраструктуру псевдоцивилизации. Однако прогресс воздействия цивилизации в прошлом – как результат в наше историческое время радикальных изменений судьбы всех народов все-таки налицо. Возникла промышленная инфраструктура, появилась сеть железных дорог и авиалиний, то есть первобытная культура отступила под внешним воздействием мировой цивилизации.

Таким образом, главным критерием существования мировой цивилизации в реальности является диалог разумных людей о ценностях, которые определяют ее будущее, примером которого является диалог Диогена и Македонского. Здесь мы видим, что в наше историческое время этот диалог исчез, а вместо него появились многочисленные дискурсы о различных «цивилизациях», то есть разговоры за пределами существования цивилизации, но зато в качестве диалога различных полей культуры. Однако диалог культур – это не диалог в пространстве разумных законов мировой цивилизации, поскольку происходит в качестве обмена мнениями в пределах различных абстрактных схематичных мыслей, уровень которых даже ниже уровне алгоритмических возможностей ИИ. Понятно, что в XX веке этот диалог еще существовал, но он стал стремительно затухать к его концу, все более выявляя собой феномен псевдоцивилизации. По существу, то, что называется в наше время в массовой культуре «диалогом цивилизаций» является диалогом за пределами разума на основе массовых ценностей современной псевдоцивилизации. Он ведет лишь к дальнейшему распаду цивилизации, не более того, хотя современная ООН и декларирует этот «диалог цивилизаций», по отношению к разумной действительности он предполагает лишь диалог культур, который, как мы видим по современной геополитический ситуации в мире, к какому-то компромиссу между различными геополитическими силами не ведет. Не ведет по той причине, что в подобных диалогах должны участвовать разумные люди, как это место быть в диалоге Диогена и Македонского.

Основную причину, в силу которой исчез этот диалог между разумными людьми, по крайней мере, в два последних десятилетия, мы полагаем в том, что ценности фундаментальной науки в процессе своего развития постепенно трансформировались в великий миф своего времени. Эта ситуация подобна той, которая сложилась Темные века, когда острота и глубина откровений великих пророков исчезла, а рост многочисленных церквей и монастырей начал заниматься лишь углублением и распространением в массовом сознании их наследия. Аналогичным образом, и в наше историческое время, которое можно условно определить, как первый век наступления очередных Темных веков, фундаментальная наука как могущество власти разума в системе рациональных коммуникаций торгово-промышленной модели цивилизации почти исчезла, тогда как ее локальные очаги не могут заменить собой ту остроту и глубину фундаментальной науки на основе которой развивалась эта модель. Например, социальная теория марксизма исходила из того, что торгово-промышленная модель мировой цивилизации будет

развиваться еще достаточно долго, лишь совершенствуя собственность на средства производства. Однако, как мы видим, речь в наше историческое время идет о перепроизводстве, когда началась смертельная борьбы за рынки сбыта, в котором участвуют уже не национальные государства, а лишь транснациональные компании, то есть тот суррогат цивилизации, который не предполагает собой существование разумной действительности. Он предполагает лишь реальность сознания работника и работодателя, то есть массовую социальную среду исключительно средних интеллектуальных способностей человека, но проявляющих значительные навыки в области научно-абстрактного мышления.

Какова же была роль России в этой геополитической системе ценностей современной псевдоцивилизации? Не сложно заметить, что до недавнего времени эта геополитическая роль сводилась исключительно к источнику сырья и той дешевой интеллектуальной силы, которую можно купить по значительно меньшей себестоимости, чем аналогичную в западноевропейском мире. Геополитический конфликт, который возник буквально на наших глазах, был обусловлен тем, что эти политические силы современной псевдоцивилизации посчитали, что Россия настолько слаба, что вполне достаточно в ней тех компрадорских сил, которые всегда надежно сдавали национальные интересы тех стран, куда транснациональные компании приходили со своими экономическими интересами. Однако ситуация развернулась в другую сторону, что говорит о том, что в современной России какие-то национальные силы все-таки еще остались, хотя и существует в разрозненном хаосе своих действий. Последнее, объясняется тем, что новый геополитический проект мировой цивилизации, который зажегся в России в XX веке, как в эпицентре мировых исторических событий, не предполагает реализацию национальной воли только на Земле, исторически требуя распространения ее в космос. Но поскольку для реализации этого нового проекта развития мировой цивилизации слишком мало ресурсов: финансовых, морально-психологических и научно-технологических, то в наше историческое время она временно откатилась назад, к спасительному теплу традиции. Это нечто подобное тому, что произошло после смерти фараона Эхнатона, когда была восстановлена власть традиционных ценностей египетского сознания.

Мы видим, что торгово-промышленная модель цивилизации в западноевропейском мире начинает стремительно сыпаться, когда в ней начал доминировать спекулятивный капитал, который ничего не производит, а лишь создает очередные финансовые пузыри. Другими словами, то, что когда-то было какой-то рациональной системой, регулирующей внутренние процессы торгово-промышленной модели мировой цивилизации, практически исчезло в наше историческое время, когда все ждут глобальный экономический кризис, который превзойдет все ранее известные по своей разрушительной силе. Вероятно, в этот момент и произойдёт объединение тех здоровых политических сил мировой истории, которые в наше историческое время находятся в состоянии формирования. Но определять эти политические силы, как когда-то Маркс определял свое виденье этой своей политической силы как «мировой пролетариат», мы не будем. Мы лишь должны описать ту политическую систему, которая только одна способна вывести мировую цивилизацию из состояния очередных Темных веков.

Вообще, нужно честно признать, что диалога уровня Македонского и Диогена, то есть диалога в эпицентре событий мировой истории, в России не было никогда, то есть здесь никогда разумные индивидуальности не вступали в диалог такого уровня, тогда как дискуссия на основе какого-то абстрактного схематизма мысли к разумному диалогу не относится. Поэтому современная российская гуманитарная мысль и ушла в наше время в глухую оборону, что боится диалога на уровне мыслящего разума, поскольку нужно что-то сказать по поводу исторического будущего мировой цивилизации, которое неизбежно наступит, а она к этому не готова. Она готова, как это всегда было ей свойственно в последнее столетие, производить свои пролетарские агитки, что в принципе лишает ее какого-то исторического будущего. Но полноценная философская мысль имеет такую особенность, что ей вполне достаточно черпать

диалог своего содержания с метафизическим началом мира, чем собственно мы и занимаемся. Можно было бы подискутировать с кем-то из западноевропейских интеллектуалов, но последний интеллектуал мирового уровня по качеству полноценной мысли был Ницше, то есть и здесь разумный диалог полностью заглох. Последнее, есть следствие перехода западноевропейской модели развития в состояние псевдоцивилизации.

Феномен псевдоцивилизации мы определяет не с позиции научной мысли, ценность которой в наше время мы относим в большей степени к мифологическому мышлению, а с позиции метафизического начала мира, которое открылось в XX веке в качестве загадки энергии материи времени, и которая является в нашем понимании подлинным основанием процесса исторических событий мировой цивилизации. Это не говорит о том, что для нас ценность фундаментальной научной мысли не имеет значения, – наоборот, мы полностью придерживаемся ее основания в том, что касается ценностей реальности. Однако сознание реальности – это не ценности самосознания в разумной действительности, то есть культура – это не цивилизация. Любое пространство культуры – это что-то земное, что-то временное, что дает возможность обладать энергией материи времени лишь на каким-то ограниченном промежутке человеческой жизни, где история мировой цивилизации оставляет свой след. Если разум активен в определенный исторический момент времени, то цивилизационный процесс присутствует на этом отрезке времени; если власть разума ослабевает, то племенные подсознательные инстинкты подавляют самосознание человека, и его сознание оказывается во власти животных инстинктов. При этом мы видим, что каждая новая модель мировой цивилизации – это выжимка из ее предшествующей модели. Например, возникающая историческая модель монотеистических религиозных ценностей – это выжимка последнего противоречивого опыта существования ценностей Римской империи, а модель торгово-промышленной модели цивилизации – это опосредствование ценностей эпохи позднего Средневековья, которая передает комплекс своих исторических противоречий новой модели развития мировой цивилизации. Но не существует цивилизации вне иерархии ценностей, поскольку отсутствие этой иерархии есть признак существования псевдоцивилизации.

Если одним из наиболее выразительных примеров иерархии высших ценностей мировой истории может служить диалог Македонского и Диогена, то вопрос о качестве присутствия мировой цивилизации в определенной культуре мы будем соотносить с оценками ее в России Чаадаева. Ведь Чаадаев был первым, кто поставил вопрос о различении культуры и цивилизации в российском интеллектуальном опыте, что сразу же послужило причиной объявить его «сумасшедшим». По крайней мере, хорошо уже то, что он не был казнен, как Сократ, то есть российская власть оказалась значительно более гуманней, чем социальная среда Др. Греции. И действительно, не трудно заметить, что все разумное, за редким исключением, вступает в конфликт с социальными представлениями своей исторической эпохи, поскольку самосознание всегда существует в противоречии с сознанием, как дух всегда существует в конфликте с материей. И если Сократ был одним из первых, которого следует полагать родоначальником в процессе становления европейской цивилизации в мировой истории, то Чаадаева необходимо полагать родоначальником русского самосознания, который потребовал осмыслить начала мировой цивилизации в России.

Гл.6
Конфликт разумных и неразумных ценностей жизни

Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, — только бы ее не обманывать.

Чаадаев

Существуют мифологические конструкции сознания, которые не выходят за пределы абстрактного схематизма мысли, используемые социальным мышлением на уровне массовых коммуникаций, а есть и рациональное содержание мысли, которое всегда находится к оппозиции к массовому сознания. Так, словосочетание «западный мир» и «западная цивилизация» – это штамп, используемый на уровне массового сознания, который предполагает, что есть некая монолитная сила, которая утвердилась за счет своего единства в мировой истории. Но в действительности все обстоит не так, в разумной действительности все обстоит в точности до наоборот. Так, на самом деле западноевропейская модель цивилизации является непримиримым конфликтом разумных людей с массовым сознанием в ее историческом пространстве, который и создал эту модель цивилизации, когда первое, что приходит на ум в качестве исторического примера, – это религиозная позиция Лютера, стоявшего у истоков протестантизма. Ведь он тоже был обречен в своем протесте против католической церкви в ее продаже индульгенций, если бы его не поддержала немецкая аристократия. После того как папа Лев X отлучил Лютера, а император Карл V на Вормсском рейхстаге (1521) объявил его вне закона (Вормсский эдикт), реформатор фактически оказался в правовом вакууме. Только покровительство курфюрста Фридриха Саксонского (Фридриха Мудрого) спасло Лютера: курфюрст укрыл его в замке, где тот, в частности, перевёл Новый Завет на немецкий язык. Так, как мы видим, великие идеи почти всегда выступают против всего того, что навязывается «социальным сознанием» в качестве непререкаемых истин своей исторической эпохи.

Но что значит – «иерархия ценностей» мировой цивилизации? Мы полагаем, что речь идет о существовании диалога между разумными людьми, который и создает базу рациональных коммуникаций своей исторической эпохи. Источником подобного диалога следует полагать противопоставление самосознания разумной индивидуальности человека – конечности социальных представлений своей исторической эпохи, ибо любые социальные представления, доминирующие на определенном историческом промежутке времени в определенной культуре, являются компромиссом: между сознанием и самосознанием, то есть между подсознательным инстинктом самосохранения человека и высшим чувством долга, которое требует от него его разумная природа перед разумным началом мира. Но именно великие идеи мировой цивилизации и рождают это высшее чувство долга, который вступает в конфликт с массовым существом человека, то есть с его животным состоянием души. Причем, найти в чем-то земном это высшее понятие долга мы не можем, поскольку это тот космический ритм жизни, в котором существует разумная воля человека, каким бы диапазоном энергии она не обладала, начиная от самого минимального ее проявления в сознании массовых ценностей и заканчивая следованием великим идеям своего исторического времени. Воля, можно сказать, рвет с энергией подсознательных влечений, бросая самосознание человека в самые глубокие воспоминания его высших процессов психики. Именно из глубин метафизических процессов бессознательной памяти и рождаются великие идеи в процессе развития мировой цивилизации. Воля – это граница, по которой высшие ценности контактируют с пространством ценностей любого поля культуры.

Таким образом, если мы хотим понять разумные начала цивилизации, мы должны разграничить ее ценности от тех массовых стереотипов понимания, которые стали преобладать в современном пространстве псевдоцивилизации. Цивилизация – это не массовое целое, культ которого тотально доминирует в наше время и является критерием успеха в современном социуме, если некоторое достижение человека в какой-то области распространяется на максимальное число людей, но дух максимальных противоречий между разумным содержанием ценностей и любой системой конечных абстрактных представлений о мире. Еще полтора столетия назад, когда в европейском мире существовали позиции разумных людей, система ценностей была кардинально иная. В ней на первом месте была сила идеи, которую индивид привносил в ценности мировой культуры, причем не принципиально какая была эта идея – философ-

ская или научная. И существовала разумная дискуссия, когда эту идею готовы были обсуждать те, кто разумом все-таки обладал, хотя бы в минимальной степени. Но что мы видим в наше время? Мы видим, что современные «философские» журналы больше вызывают ощущение полной потери разума человеком, когда уж лучше в них не заглядывать, чтобы свой разум не потерять. Значит, цивилизация – это иерархия великих идей мировой истории, которые резко меняют ход мировой цивилизации в различных полях культуры: религиозном, политическом, научном или философском.

В самой упрощенной рациональной оценке философского понимания, пространство – это культура, а цивилизация – это время, когда первое дает возможность человеку право выбора, а второе требует от него выполнения долга. И как только сознание высшего нравственного долга исчезает, исчезает и присутствие цивилизации в разумной действительности, хотя имитация ее в сознании реальности остается. Главным моментом здесь является то, что пространство, полное жизни, веры людей, их надеждами и доверием к этому миру, вдруг исчезает в тот момент, когда его перестает поддерживать дух высших ценностей, хотя низшие ценности конечно же остаются. Но воспоминание об этом мире высших ценностей все-таки остается. Оно дискретно возвращает память к этому утраченному миру, к пространству, которого уже нет, поскольку опустошенность, возникающая после его утраты, и есть те ценности нигилизма, которые всегда характеризуют начало возникновения новой модели цивилизации, то есть историческое время, когда старой модели цивилизации уже нет, а новой пока еще нет. Европейской нигилизм силы – это вообще метод дежавю воспоминания всего прошлого великих идей мировой истории, где невозможно остановиться для своего спасения, а есть лишь бесконечный процесс утраты самого себя перед истиной существования духа в великих исторических событиях.

К сожалению, особенностью становления новой модели цивилизации является то, что перед своим появлением она сметает на своем пути все. Нельзя полагать этот процесс только чем-то человеческим в том смысле, что человек вдруг начинает разрушать все ценности, которые были ему очень близки до этого момента времени. Так, искать какие-то экономические или природные причины появления этих агрессивных племенных орд, таких как «народы моря», или племенные силы: фашистов, большевиков или хунвейбинов – слишком поверхностно, поскольку в этом случае исчезает разумное понимание исторических событий и, как следствие, различие между явлением цивилизации и псевдоцивилизации. Подобная мифология триумфального шествия научно-технического прогресса: от зачатков его в первобытной культуре – до современного постиндустриального века, должна все-таки остаться уже в прошлом, если мы хотим понять разумные законы развития мировой истории. Подобная мифология может в наше историческое время обслуживать лишь социальные интересы современной псевдоцивилизации, а не действующий разум.

В понимании новой модели цивилизации мы не стоим на позициях ценностей научно-технического прогресса, определяющих существо абстрактного рассудка нашей исторической эпохи, поскольку он требует обязательно разрушения всего того, что веками складывалось в традиции. Ведь научно-технический прогресс стал великим мифом нашей исторической эпохи, который постепенно противопоставил себя разуму со стороны бесконечной игры абстракциями того вала научной информации, которая каждодневно обрушается на сознание человека в доказательстве того, что цивилизация «существует». И действительно, куда не посмотришь вокруг – везде научно-научно технический прогресс, подобно тому как для религиозного сознания, о чем не подумаешь – везде Бог. Здесь мы не должны покушаться на ценности великих мифов мировой истории, поскольку за ними стоят ценности великих идей выдающихся людей своего исторического времени, и, как следствие, высшие ценности мировой цивилизации прошлого. Их необходимо уважать, чтобы быть причастным разумным законам развития мировой цивилизации. Так, получается, что с позиции высших ценностей мы

оказались в положении Диогена, где разница состоит лишь в том, что, находясь среди людей, он с фонарем не мог увидеть человека, даже в самом выдающемся человеке своего времени, Македонском, а мы не обнаруживаем нигде признаков цивилизации, хотя научно-технический прогресс совершает почти чудеса в своем глобальном преобразовании представлений человека о природе материи. Что же получается? Мы вместе с Диогеном видим объект, но отрицаем его существование. На основании чего? Именно здесь проявляются основные позиции философии идеализма, которые состоят в том, что философия идеализма не доверяет только непосредственности чувственных ассоциаций человека, а доверяет лишь соответствию объекта его разумной идеи существования. При этом Диоген в полной мере, как сторонник учения киников, отрицает земное как все социальные нормы своего времени, а не только одного массового человека, которого он видит каждый день. Он умудряется в своей философской ожесточенности следования разумной идее жизни отрицать даже самого выдающего человека своего времени, который тоже, как и он, отрицает массовое, но уже в своей великой политической воле. Это и есть исключительная сила противоречий между самосознанием и сознанием. Понятно, что Македонский является выдающимся человеком своего исторического времени, поскольку им движет великая идея распространения высших ценностей греческой культуры на Восток, и цивилизация в наше историческое время тоже все-таки существует, правда, в самом ничтожном своем проявлении. В чем же проявляется ее разумная сущность?

Основная причина, в силу которой мы утверждаем, что наше время есть время жесткого доминирования социальных процессов псевдоцивилизации, а не цивилизации, является исчезновение диалога разумных людей. Еще в XX веке этот диалог существовал, когда можно видеть историческую картину, где Эйнштейн, Бор и Дирак и ведут этот диалог о явлениях в квантовой физике в доме физика Пауля Эренфеста в Лейдене (Нидерланды) в декабре 1925 года. Это время как раз совпадает с началом возникновения массовой культуры, то есть с историческим моментом медленного, но непрерывно возрастающего по интенсивности, перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации. Они еще вместе, но в недалеком будущем Эйнштейну уже грозит опасность со стороны фашистского режима. Подобный переход: от полноценного функционирования рациональных коммуникаций – в состояние псевдоцивилизации, безусловно, не быстрый. Один из его признаков – это исчезновение той полноты и глубины разумного понимания мира, которая характеризуется наличием высших ценностей мировой истории, их духовной энергией воздействия на сознание человека. И одним из главных критериев появления псевдоцивилизации является исчезновение активности разумной индивидуальности человека в реальности, которая исчезает вместе с рациональными коммуникациями старой модели мировой цивилизации.

В вопросе резко негативного отношения к энергии цивилизации, которое характеризует историческую концепцию Шпенглера и подобных ему мыслителей, лежит отсутствие понимании какого-то положительного будущего у человека, который ограничен определенным набором абстрактно-описательного отношения к пониманию исторических событий. Так, абстракция неизбежно привязана к какой-то определенной схеме понимания, которая не способна отрицать себя изнутри, то есть подчиняться диалектической логике отрицания отрицания. В этом смысле, логика исторических событий у Шпенглера оперирует ценностями западноевропейской культуры как мифом «фаустовской души», хотя мифологическое сознание существует за пределами разума. Это объясняется тем, что миф формирует лишь инфантильное сознание человека, которое не требует от него нравственной ответственности за свои поступки, полностью делегируя его индивидуальное чувство свободы той системе социума, которая его окружает в реальности. Миф, вообще говоря, это есть сфера коллективного бессознательного, в энергии которого разум «спит», поскольку, в противном случае, человек бы обладал самосознанием и, как следствие, своей разумной индивидуальностью. Таким образом, практически

вся логика интеллектуальной мысли после философии Ницше демонстрирует упадок и хаос разложения полноценной интеллектуальной позиции в разумном понимании мира.

А что же в России? Если до 1917 года мы обнаруживаем в ней какую-то очень скромную полемику мысли на уровне провинциальной культуры по отношению к высшим ценностям мировой цивилизации, которая состоит лишь в том, чтобы учиться этим ценностям у западноевропейского мира, то после гибели Российской империи эта полемика исчезает, поскольку ей на смену приходят догмы учения коммунизма. Поскольку коммунизм учит о том, что ценность человека является прямым следствием ценности его в массовом обществе, то следы разумного человека на уровне возможности ведения диалога о высших ценностях здесь почти исчезают, однако есть один момент, который требует к себе серьезного отношения. Он выражается в том, что здесь возникает такая зачаточная военно-патриотическая политическая структура, которая характеризует собой начальные элементы строительства рациональных коммуникаций в момент возникновения любой новой модели мировой цивилизации, который мы называем «лигаристический союз». Здесь следует понимать, что удар племенных инстинктов, которыми движет мистерия становления новой модели цивилизации всегда является исключительно разрушительным. Он крушит и ломает на своем пути все, поскольку эта мистерия состоит в том, что происходит глобальная перезарядка высших процессов памяти, которые предполагают исчезновение старой идеи человека в глубине и остроте действия этой мистерии.

. Все эти разговоры о «сверхчеловеке», которые характеризуют философию нигилизма, вообще о всем чем-то «сверх», есть не более чем попытка сохранять взаимосвязь с тем человеком, которого сметает этот мистериальный поток, предшествующий новой модели цивилизации. Для понимания этого является достаточно обратить внимание на философские конструкции, которые ввел неоплатонизм незадолго, по историческим меркам, перед падением Римской империи. Например, у Плотина мы встречаем: сверхбытие и сверхсущее. Что это, если не попытка усидеть на двух стульях: сохранить ценности языческого мира и одновременно рассуждать о едином Боге, о котором рассуждал Плотин. Так, не сложно заметить у Плотина уже значительные черты влияния религиозных ценностей христианской религии, которые медленно, но настойчиво стали распространяться в Римской империи в момент заката античной модели цивилизации. Понятно, что Плотин – это еще часть цивилизации римской культуры, хотя и находящейся уже в начальном состоянии распада, как и Ницше – это еще часть активности западноевропейской цивилизации, когда он может вести диалог с себе равным по качеству высших ценностей со своим во многом учителем, композитором Вагнером. Поэтому подобные философские конструкции стремятся лишь «протащить» старую психологию человека в историческое будущее, что конечно же не удается. Как известно, языческая культура все равно была постепенно вытеснена религиозными ценностями монотеизма, а существование старой рациональной психологии человека, против которой бунтовал Ницше, в наше время успешно зачистил ИИ.

Таким образом, оценочные конструкции массового сознания такие как: «западная цивилизация», «восточная цивилизация», «русская цивилизация» – это клише массового сознания, которые не выражают главный критерий существования мировой цивилизации – диалога разумных людей в поле существования разумных идей своего исторического времени. И здесь не столь принципиально, в каком поле культуры этот диалог происходит, главное, чтобы он был разумным. И если в одно время этот диалог центральным полем культуры выбирал религиозное поле, то в другое время он выбирает поле фундаментальной науки. В наше время существуют дискуссии по поводу возможностей возникновения космических поселений за пределами Земли, но они ведутся в пределах массовых ценностей, что заранее обрекает их на пустые разговоры. Мы бы еще к возможности этих разумных диалогов прибавили вероятность существования древних цивилизаций в далеком прошлом, которые скорее всего все-таки существовали до условной исторической точки возникновения мировой цивилизации в куль-

туре шумеров, как это полагается в современных исторических представлениях о возникновении мировой цивилизации. Последнее, мы объясняем теми интеллектуальными усилиями по поиску древних цивилизаций, которые характеризуют интерес: и политической элиты Третьего Рейха, и политической элиты большевиков в их попытках оправдать свое право на мировое господство, которое действовало в их подсознании. Понятно, что эти племенные силы мало чем относятся к чему-то разумному, с точки зрения перспективы построения новой модели мировой цивилизации, но закон вечного возвращения субъективного разума требует серьезно отнестись к их мистериальным настроениям, поскольку перезарядка высших процессов памяти всеми движет этими племенными ордами, сметающими основы старой модели цивилизации.

Часть III
Государство в мировой истории

Гл.7
Некоторые параллели мировой истории

Уже с давних пор развитие нашей европейской культуры совершается среди напряжения и муки, которая возрастает с каждым десятилетием и словно близится к катастрофе.

Ницше

В России существовала историческая эпоха, когда Петр I начал «рубить окно в Европу», что было в полной мере оправданно, поскольку в то историческое время в Европе существовал реальный диалог между выдающимися историческими личностями на уровне высших ценностей мировой истории, то есть эпицентр авангардных исторических событий происходил именно в ней. Но времена меняются. В наше время Европа стала производителем массовых ценностей, то есть ценностей продуктов распада цивилизации, поэтому геополитическая ситуация кардинально изменилась. В наше время более актуальной исторической задачей стала задача в России – прорубать дорогу разумной мысли к строительству новой модели мировой цивилизации в том океане слабоумия индивидуального самосознания, в который погрузилась социальная реальность России. Когда возможность существования разумного диалога на уровне высших ценностей мировой истории исключается, начинается стремительный распад социальной системы, ее стагнация и загнивание, поскольку отсутствие разумных людей в этой системе неминуемо ведет ее к краху. В этом смысле, перераспределение собственности: от государственной – к частной, которое произошло в России после распада СССР, нравственный уровень человека не поднимает, а лишь дает ему возможность в полной мере пользоваться земными благами, тогда как высший нравственный закон жизни, на котором всегда держались все основы цивилизации, требует обратного, то есть выполнения долга перед разумным законом развития мировой цивилизации.

Очевидно, что российская социальная реальность была первой из всех других стран, которая провалилась в эту бездну тотальной активности исключительно массовой психологии в период советской власти, когда другие народы еще могли более-менее существовать в системе рациональных коммуникаций мировой цивилизации, поскольку их процесс распада системы мировой цивилизации коснулся значительно позднее. И здесь мы должны различать два момента при оценке опыта советской власти: один, крайней негативный, который дает возможность сравнить ее социальную систему с социальной системой Уйгурского каганата, в котором официальной идеологией была сектантская религия манихейства; а с другой, наоборот, исключительно положительный, поскольку он указывает на начало возникновения новой модели цивилизации, космически-технологической. И если первый, крайней негативный момент, характеризует активность энергии либидинозных связей, которые указывают на энергию кочевых инстинктов, доминирующих в социальной системе, то другой, наоборот,

показывает, что эти кочевые инстинкты, которых только косвенно коснулись начала мировой цивилизации, дух мировой истории начинает переплавлять в политическую систему, которая может быть оценена как зачаточная конструкция лигаристического союза.

Какие подобные исторические события могут быть сравнимы с возникновением политического режима советской власти в мировой истории? Здесь мы вновь возвращаемся далеко в историческое прошлое, поскольку расовые катастрофы, хотя и происходят в мировой истории, но все-таки достаточно редко, когда одной из главных причин их возникновения является историческая необходимость перехода цивилизации с одного технологического уровня на принципиально новый технологический уровень. И чем более сложен этот технологический переход, тем более разрушительна энергия расовой катастрофы, то есть процесс глобальной перестройки высших процессов памяти. Метафизика высших подсознательных процессов памяти, – вот что движет и субъективными, и объективными процессами развития мировой цивилизации.

Главным аргументом, который является доказательством того, что нас окружает псевдоцивилизация, а не цивилизации, является тот факт, что пока еще ни одно космическое поселение не существует в человеческом опыте, хотя проекты этих поселений есть, и подготовка к проживанию в них интенсивно ведется. Это все равно, что сравнить европейский мир до начала открытия Америки Колумбом, когда торгово-промышленная модель цивилизации только формировалась на начальной стадии ее развития, когда промышленность и торговля еще пока не стали внутренним основанием мировой цивилизационной системы, в который были вовлечены почти все исторические народы мира. Научно-технологическая база того исторического времени была очень слаба даже для пересечения мирового океана, и необходимо было исключительное мужество, чтобы в стихии этого окружающего массового слабоумия, суеверий и предрассудков решиться на то, на что решился Колумб. Но опять-таки, его, как известно, поддержала королева Испании, Изабелла I Кастильская, то есть вновь мы имеем диалог двух людей на уровне разумного понимания реальности исторических событий, которые поняли друг друга, противостоя многочленной среде: богословов, космографов, юристов, придворных, которые заседали несколько лет, не веря в успех мероприятия, блокируя проект. Основная причина недоверия к этому мероприятию была все та же: например, попытка заинтересовать своим планом (найти западный путь в Индию) Колумбом португальского короля Жуана II провалились, поскольку эксперты из «Математической Хунты» сочли расчёты «фантастическими» — они недооценивали размер земного шара и реальную протяжённость Атлантического океана. Но ведь и полет в космос два столетия назад тоже казался «фантастическим». Другими словами, в первый момент появления новой великой разумной идеи жизни почти все ей противостоит, и сторонники этой идеи начинают находиться очень медленно. Понятно, почему сопротивлялись различные политические силы этого новому проекту, – он неминуемо должен был привести к политической активности нового политического класса, буржуазии, то есть к перераспределению собственности, которая была в основном сосредоточена в руках высшей аристократии.

Что было политическим толчком для предпосылок возникновения зачаточных космических технологий в СССР? Отнюдь не социальная система, которая была подобна психологической атмосфере Уйгурского каганата в качестве уровня развития рациональных коммуникаций для существования отчетливой модели мировой цивилизации. Она скорее препятствовало его развитию на уровне доминирующей идеологии, если учесть критические замечания одного из наиболее выдающихся русских космистов, Вернадского, который мог сравнить политическую атмосферу Российской империи и советской власти. Мы полагаем, что главной причиной стали последствия Второй Мировой войны, когда советским ученым удалось получить в руки новейшие ракетные разработки Третьего рейха, в дальнейшем усовершенствовав их собственными инженерными идеями для полетов в космос. Ведь нельзя не заметить, что этой верой в

космос жила вся социальная реальность в СССР, что очевидно было не случайно. Так, не случайной была вера между Темными веками и ранним Средневековьем в божественное воскресение Христа, поскольку это была авангардной великой идеей своего исторического времени, что впоследствии в полной мере доказало последующее тысячелетие развития мировой цивилизации, как, впрочем, и вера ислама, возникшая позднее, в потому в силу своей молодости еще наиболее свежая из всех авраамических религий в наше историческое время.

В вопросе понимания становления начала новой модели мировой цивилизации мы можем обратиться к процессу формирования из дорийских орд начальных элементов европейской цивилизации, поскольку на этот процесс нам указывает действие метода дежавю в субъективной позиции разума Ницше в его понимании исторических событий. Спартанские союзы стали выплавляться именно в качестве проекции подсознательных космических ритмов жизни из энергии материи времени, в которых действовала дионисическая мистерия жизни, которая осуществляла эту переплавку подсознательных процессов памяти, как в глобальном суперкомпьютере, в формирование простейших элементов новой модели цивилизации. Здесь следует понимать, что вера культа Аполлона очень медленно пробивалась через эту мистериальную реальность, поскольку разумная действительность постепенно овладевает кочевой энергией подсознательных инстинктов, вырабатывая в них базовые основы рациональной психологии человека за счет сжигания в новейших рациональных коммуникациях.

Возможно, что и в Германии возник бы этот новейший Уйгурский каганат, поскольку фашисты прямо заявили, что они новые варвары, сопровождая эти заявление сожжением книг и разного рода сектантскими ритуалами с факельными шествиями, но власть их в истории оказалась недолговечной. И здесь нас не должен вводить в заблуждение тот факт, что, например, Гейзенберг не подвергся политическому террору, а лишь идеологическому давлению, как, впрочем, и многие выдающиеся ученые при советской власти, такие как Капица или Вернадский. Причина состоит в том, что эти выдающиеся физики и другие крупные ученые действовали в русле ценностей идеологии политического режима, который во многом опирался на новейшие достижения научно-технического прогресса. Ведь и в Уйгурском каганате представители ценностей религии Нового Завета тоже не преследовались, но, наоборот, их деятельность была доказательством «правильности» выбранного политического курса.

Таким образом, главной причиной, в силу которой из всех великих империй своего исторического времени Российская империя смогла восстановиться, но уже в новом качестве, следует видеть подобие исторической ситуации в Др. Египте, в котором произошел принципиальный исторической прорыв в становлении новой модели мировой цивилизации в качестве перехода: от политеизма – к смутной логике монотеизма. Ведь из всех великих империй своего исторического времени лишь один Египет сохранил основы государственности, пусть и сильно потрёпанные после нашествия народов моря в XIII–XII вв. до н. э. Основная причина, в силу которой это ему удалось, как мы полагаем, существует в становлении зачаточной конструкции лигаристического союза, который, как и при советской власти, постепенно стал формироваться в качестве военно-патриотической социальной организации после распада Российской империи. Так, фараон Рамзес III, во-первых, значительно укрепил централизованную власть в Египте; а, во-вторых, предпринял серьезные шаги для укрепления армии, введя одну из первых призывных систем, строил оборонительные крепости по границе страны, организовывал мобилизацию и укреплял флот. Впрочем, жречество и местная аристократия, как только могла, сопротивлялась этим попыткам перехода к новой модели мировой цивилизации. Но основная причина, в силу которой Египту в. XIII–XII вв. до н. э, как и России в XX веке, удалось сохранить основу государственности, является появление новой великой идеи стратегии развития будущего мировой цивилизации: идеи единого бога – в Египте, и идеи освоения космического пространства – в России.

Главной причиной явления расовых катастроф мировой истории является духовный кризис как следствие исчезновения диалога разумных людей в свое историческое время. При этом, как можно заметить, традиционные духовные ценности продолжают действовать в сознании, но для существования цивилизации необходимы ценности, которые соответствуют авангардным идеям исторического ее развития. Именно они и исчезли, причем не только в России, но и во всем европейском мире, как, впрочем, и в восточной культуре. Все сейчас движется по инерции распада старой модели цивилизации, выстраивая стабилизационные звенья так, чтобы как можно более сильно замедлить этот распад. Почему современная российская реальность возвратилась к ценностям традиции? Мы полагаем, что это произошло по той же причине, по которой реформы фараона Эхнатона были свернуты после его смерти, а египетские жрецы старых политических культом постарались их стереть из памяти египетского народа, – эта причина выражается в том, что первоначально новая великая авангардная идея развития мировой цивилизации возникает как слепое разрушение всего того старого, что историческая цивилизации накопила к этому историческому моменту времени в качестве каких-то высших ценностей жизни. И тоже можно сказать о процессе распространения религиозных ценностей христианства между Темными веками и ранним Средневековьем, когда после первого тотального отрицания ценностей наследия античного мира в исключительности проповедей Ветхого Завета, впоследствии пришлось к этому наследию все-таки возвратиться, изучать и включать его в непосредственную жизнь как великое наследие предков. Другими словами, и здесь начинает действовать закон отрицания отрицания, поскольку великие идеи памяти прошлого неминуемо возвращаются. Как известно, Римская империя, которую европейские народы ненавидели, как источник насилия и разрушения их родового образа жизни, впоследствии получила статус «священной» в памяти, поскольку из энергии племенных инстинктов, которые стали доминировать в тот исторический момент в Европе, цивилизации не построишь.

Значит, основным критерием перехода цивилизации в состояние псевдоцивилизации является исчезновение диалога разумных людей в качестве необходимости выработки высших ценностей жизни своей исторической эпохе. Но если драматизм современной Европы заключается в том, что этот диалог о существовании высших ценностей жизни в ней прервался, то трагизм современной России выражается в том, что здесь этот разумный диалог всерьез еще и не начинался, хотя фантазий на эту тему, как в детском саду, здесь много. Здесь была новая вера, которая продемонстрировала начало новой модели мировой цивилизации, но это стоило ей почти полного разрыва с историческим наследием прошлого, которое она и сейчас не может восстановить несмотря на активную пропаганду традиционных ценностей. Она никак не может стабилизировать свою социальную систему, поскольку в ней отсутствует адекватное исторического самосознание, тогда как сознание, которое здесь культивируется, не способно выделить высшие ценности жизни в силу того, что высшие ценности жизни являются всегда авангардными по отношению к историческим ценностям развития мировой цивилизации. Понятно, что возврат к памяти духовного наследия прошлого все-таки лучше, чем агрессивная энергия племенных инстинктов, которые исключают ценность разумной индивидуальности человека, но, с другой стороны, новая модель мировой цивилизации все равно требует рациональных шагов для своего строительства. Эти рациональные шаги предполагают проекцию в самосознании на высшие ценности жизни.

Поскольку этого диалога о высших ценностях на должном уровне мы не обнаруживаем в современной России, а обнаруживаем лишь по большей части некие социальные массовые лозунги, как на пролетарских агитках, то мы вынуждены вести этот диалог исключительно с метафизическим началом мира, которое произвело мировую цивилизацию. Это не говорит о том, что разумных людей в России нет, а лишь о том, что они пока существуют в полной изоляции друг от друга в пространстве, где места им не предусмотрено. Подобное утверждение следует из того, что мифологическое мышление не относится к ценностям цивилизации, предпо-

лагающей новые геополитические силы, которые меняют кардинально политическую картину мир. Ведь любой великий миф в мировой истории – это выжимка из тех полноценных рациональных коммуникаций, которые когда-то владели самосознанием человека в авангардных процессах мировой истории. Особенностью любого великого мифа является то, что он перестает вырабатывать активность самосознания человека по отношению к его разумной воле, оставляя для сознания реакции инфантильной психики. Так, не случайно психоанализ в своем исследовании массового бессознательного одним из инструментов логики использовал понятие «инфантилизм». Его сущность выражается в том, что когда рациональные коммуникации старой модели цивилизации рушатся, то вместе с ними исчезает и нравственная ответственность индивида перед тем высшим сознанием долга, который существует как базовый принцип жизни в любой модели цивилизации, когда сознание находится под полным контролем самосознания. Психологически, это объясняется тем, что массовое бессознательное – это самый короткий, в качестве энергии временной длительности, тип памяти, действующий в сознании на уровне монотонности непосредственных чувственных ассоциаций, которые сводятся полностью к активности физиологии человека. Можно сказать, что в пределах массового бессознательного, человек – это исключительно биологическое существо, не более того. А животное, как известно, не несет ответственности за свои поступки, поскольку его сознание целиком и полностью подчиняется его бессознательным влечениям. Разума оно не имеет, поскольку разум – это прерогатива того, что действует за пределами биологического инстинкта самосохранения, подчиняясь той идей высшего нравственного долга, который действует на определённом историческом отрезке времени в определенной модели мировой цивилизации.

То новое, что мы привносим в историю философии рационализма, есть понимание, что научные ценности в наше время стали лишь новой мифологической системой сознания, правда, более свежей, что религиозная система мифологических представлений о мире. Это не говорит о том, что следует отказаться от ценности этих мифологических представлений о мире, а лишь о том, что их необходимо переосмыслить с позиции размышлений о высших ценностях авангардных процессов развития современной цивилизации.

Гл. 8
Метафизика действия процессов памяти

Человек никогда не может знать, сколько знаний он в действительности имеет в глубине себя, хотя бы и забытых им; они не принадлежат к его действительности, к его субъективности как таковой, но только к его бытию, как оно есть в себе.

Гегель

В вопросе метафизического начала мира мы рассматриваем феномен существования материи времени, который состоит из фрактальных длительностей различной интенсивности. Самые примитивные длительности этого типа создают поле воспоминаний массового бессознательного, по отношению к которым сознание движется в поле активности энергии влечений. В этом смысле, уже абстракция математических последовательностей значительно интенсивней в своем воздействии на энергетические импульсы воли, поскольку относится к полю традиции науки, уходящей вглубь тысячелетий, когда математические вычисления дают возможность разложить мир на локальные области информационного потока реальности, внутри которого можно производить сравнения движения этих локальных информационных фрактальных последовательностей. Вообще, любой тип традиционного мышления предполагает более интенсивный энергетический потенциал энергии материи времени, чем сознание времени в массовом сознании. Это объясняется тем, что дух традиции фильтрует бессознательные воспоминания на качественные и не некачественные, то есть на те, которые имеют право оставаться в памяти и те, которые должны быть стерты в нем. Но и в математике мы обнаруживаем

следы расовой катастрофы исторической эпохи в теореме Геделя: непротиворечивая формальная система не может быть полной. Так, утрата полноты мира, о которой так много рассуждал Ницше, состоит в том, что эти локальные фрактальные последовательности многообразия всех информационных полей культуры перестают сходиться в целое, в ценность самосознания, тогда как их хаос бесконечного многообразия полей является полным ничтожеством перед высшими ценностями исторического прошлого. Можно сказать, что, используя метод дежавю в своей философии, Ницше полностью разлагает знакомые ценности разумного мира на хаотическое движение локальных фрактальных последовательностей материи времени, которое субъективно высвечивается как новизна нового типа материи разумной действительности, действующей в высших процессах памяти. То есть он показывает, как образуются великие идеи мировой истории в качестве топологической деформации любого поля исторической культуры в высших процессах памяти.

С позиции различной интенсивности воздействия энергии памяти на подсознание можно понять, что имел ввиду Фрейд, когда рассуждал о вытеснении подсознательных влечений энергией культуры. Речь идет о том, что в момент соприкосновения бессознательного с полем бытовой культуры сознания, в поле которого существует и действует массовое бессознательное, то есть отголосков минимального воздействия ценностей традиции, его энергии является достаточно, чтобы зарядить потенциал воли до ее минимальной активности. В результате, возникает психологический баланс: между влечениями и минимальными импульсами воли, который поддерживает сознание индивида в поле бытовой культуры. Понятно, что этот психологический баланс поддерживается безусловной ценностью биологической активности человека, когда все многообразие информационного потока ценностей сознания бытовой культуры, в которой он активен, создает веру в жизнь на уровне ее простейших алгоритмов системы функционирования. В бытовой культуре также существует характер действия фрактальной структуры. Так, конечность набора этих простейших алгоритмов поведения человека в бытовой культуре сводится к ограниченному набору целей жизни: заработать деньги, прокормить семью, получить образование и так далее. В этом смысле первобытная культура в наборе конечности этих целей мало чем отличается от современной бытовой культуры. Разница состоит лишь в мифологии представлений своей исторической эпохи. Для племенного сознания первобытной культуры оно сводится к примитивному собирательству и охоте, к энергии первобытных табу и получения знаний через мифологические сказания о прошлом, передающие через устные предания; для современного человека массовой культуры – это высоко оплаченная работа, создание выгодного бизнеса, получение престижного образования в каком-то учебном заведении и доступ к максимальному информационному пространству. Так, мы видим, что бытовая культура человеческого сознания, в котором оно выбирает определенный диапазон ценностей жизни для реализации целей своей индивидуальной воли, всегда ограничивается определенным набором тех мифологических представлений о ценностях, которые стабилизуют социальную систему своей исторической эпохи. Для племенного сознания первобытной культуры – это определенный набор первобытных табу, передающихся из столетия в столетия, а в некоторых случаях, как, например, для аборигенов Австралии, из тысячелетия в тысячелетие.

То, что нарушает этот монотонный характер течения массового бессознательного, является энергией высших исторических ценностей, которые вклиниваются в него со стороны расового бессознательного, то есть со стороны того космического ритма жизни, который радикальным образом отличает ценности культуры от ценностей цивилизации. Так, например, Диоген вклинивается в привычный образ жизни массового сознания др. грека тем, что не видит ни в ком из них человека, презирая при этом все их конечные социальные цели жизни; а Македонский бросает войска македонян на Восток и завоевывает его. В первом случае, речь о высшей ценности философских идей, а во-втором, об экспансии высших достижений европейской культуры на Восток.

Как известно, Фрейд, попытавшись распространить свой психоаналитический метод на мотивы поведения великих личностей мировой истории, в конечном счете, признал, что этот метод не работает. Почему? Мы полагаем, что это вызвано самым примитивным характером типа воспоминаний, которые движут энергией бессознательных влечений на уровне массового сознания, ибо они не выходят за пределы биологического инстинкта самосохранения человека. Как мы видим, набор целей социального сознания любой исторической эпохи всегда конечен в своем выборе, рассматриваем ли мы первобытное племенное сознание, социальное сознание др. грека или социальное массовое сознание современной постиндустриальной эпохи. Социальным сознанием, в конечном счете, всегда движут подсознательные влечения, которые вязнут в мифологии представлений своей исторической эпохи. Они запрограммированы на выполнение каких-то конечных целей человека, которые в любом случае будут топологически трансформированы во фрактальную структуру подобных же целей, с учетом изменения уровня развития научно-технического прогресса в следующую историческую эпоху. Но на биологическом уровне они в принципе не меняются, создавая тот набор массовых ценностей, который дает возможность социальной системе стабильно функционировать. Поэтому и возник интерес в XX к первобытному мышлению, исследованием которого занимались такие интеллектуалы как Леви-Стросс, что подавляющая часть мыслителей не выходит за пределы абстрактной схемы понимания предмета своего исследования. Именно по этой причине в своем структуралистском методе анализа первобытного мышления Леви- Стросс полагал, что это мышление «разумно», как и разумно мышление современного европейца. И действительно, если игнорировать высшие ценности исторического прошлого, которые всегда находятся в оппозиции к массовому сознанию, то какой-то принципиальной разницы между первобытным племенным мышлением и мышлением постиндустриальной цивилизации не существует, поскольку оба они протекают исключительно в поле сознания. Здесь отсутствует конфликт: сознания и самосознания. По крайней мере, ценности племенного сознания фашизма, большевизма и маоизма это в полной мере доказали в XX веке. Вообще, если ограничить методы психоанализа исключительно областью культуры, то они очень эффективны. Другое дело, что они не годятся для понимания разумных исторических законов мировой цивилизации, поскольку в основе этих законов существует энергия расового бессознательного, которая полярно-противоположна энергии массового бессознательного. Можно сказать, что эта энергия и проявляется только в противоречии с энергией массового бессознательного, то есть тогда, когда разум в действии самосознания вступает в конфликт с абстрактной схемой рассудка в сознании.

Понятно, что термины: «инстинкт смерти», энергия Танатоса, «влечение к смерти», которые Фрейд ввел в поздний период своей аналитической работы с массовым бессознательным, начинают издалека подбираться к феномену расового бессознательного метафизических законов действия памяти. Характер этого разрушительного влечения, который у Ницше получил определение «дионисизма», показывает, где необходимо искать источник появления высших ценностей мировой истории как движущей силы развития мировой цивилизации. Его необходимо искать в том, что отрицает инстинкт самосохранения человека в качестве каждый раз появления какого-то нового проекта ее развития в тот момент, когда сознание высшего долга перед появлением очередной великой идеи в развитии мировой цивилизации начинает превышать ценность человеческой жизни. В понятие «расовое бессознательное» мы вкладываем вполне научный смысл, рассуждая о том, что нам неизвестно строение материи на уровне ее бесконечно большого и бесконечно малого масштаба, а потому чем, с позиции современного разумного понимания мира, в действительности является материя в ее взаимодействии с сознанием мы не знаем. Условно, можно полагать, что для макромира доступный для современной науки масштаб, которым она может оперировать, это размер наблюдаемой Вселенной то есть реальность материи, которую мы можем наблюдать с Земли. По современным оценкам, её радиус составляет примерно $4{,}4 \times 10^{26}$ метров), а в микромире – планковской длиной

— это примерно $1{,}616 \times 10^{-35}$ метра, за пределами которой классические понятия пространства-времени перестают работать. Мы вообще в области ценностей сознания полностью придерживаемся достижений фундаментальной науки, хотя ее доля в общих достижениях научно-технического прогресса становится все менее заметной, поскольку исчезает разумное целое, охватывающее как единая структура все информационное научное знание о мире. Оставляя вопрос о сущности познания материи на уровне сознания для достижений современной фундаментальной науки, мы полагаем, что ценности самосознания, которыми всегда занималась рациональная философии, являются другого рода ценностями.

Кого мы можем назвать среди русских мыслителей, которые отстаивали позиции разумной индивидуальности в России до нас? Первым, мы бы поставили – это Чаадаева, далее, таких как Грибоедов, Салтыков-Щедрин, Суворов. А есть ли исторические фигуры подобного масштаба в современной российской культуре? Мы таковых не обнаруживаем. Здесь, в основном, несут все, что в голову взбредет, а в голову взбредает только что-то иррациональное, как будто каждый стремится загипнотизировать собственным массовым сознанием чье-то чужое массовое сознание. Или обсуждаются какие-то ничтожные мелочи ценностей различных политических деятелей, которые участвовали в этих сектантских движениях XX века, – кто «плохой», а кто «хороший», как на это раньше происходило на советской кухне, противопоставляя идеологию «левых» или «правых» политических деятелей, чей вклад в развитие разумных процессов мировой цивилизации ничтожный. Ведь рациональное мышление требует системности мысли, но таковая исключена в массовом сознании, поскольку его течение хотя и кажется связным потоком в поле коротких длительностей течения памяти, то есть в реакциях на непосредственную реальность, с другой стороны, полностью является бессмысленным, если оценить подобное качество суждения с точки зрения существования разумной действительности. Все это напоминает какой-то галдеж на различные социальные темы за пределами разума. Понятно, что винить людей за подобное качество мысли не имеет смысла, поскольку, если не было в российской традиции рациональной школы мысли, то откуда она возьмется в суждениях людей? Однако не обращать внимание эту на серьезную проблему – это еще более опасно, поскольку этот иррациональный галдеж неразумного многоголосья может плохо закончиться в будущем.

Введение в систему понятий психоанализа терминологии, связанной с энергией Тананоса у Фрейда, как и акцент субъективной философской мысли на анализе культа Диониса – у Ницше, безусловно, характеризуют конец исторического самосознания в поле активности старой модели развития мировой цивилизации. Здесь не столь важно, как это оценивать: как предел субъективности в бессознательном, как это полагал Лакан, или как глобальный кризис исторического мышления – у Бодрийяра, главное состоит в том, что самосознание теряет здесь свои позиции объективности, однако обнаруживает в философии метод интуитивного движения субъективной мысли в эффекте феномена дежавю. Последнее, в отличии от движения мысли исключительно в поле культуры, уже указывает на переход мышления в поле активности цивилизации, учитывая центральную идею Ницше о «вечном возвращении». Можно сказать, что высшие ценности мировой истории неизбежно возвращаются в качестве критерия уровня развития цивилизации в определенном пространстве ценностей, одним из наиболее ярких примеров которых является диалог Диогена и Македонского.

Расовое бессознательное мы понимаем, как осмысленные до максимальной жесткости структур материи в самосознании границу: между биологическим существом человека и возможностями его разумного понимания мира. Понятно, что разброс диапазона границы между этими ценностями огромный. Для первобытного племенного мышления – это запретительное действие табу, для авангардного мышления – область новейших идей развития мировой цивилизации в эпицентре ее исторических событий. Но в процессах расовых катастроф, когда племенное сознание в очередной раз разрушает рациональные коммуникации мировой цивилизации, система новых ценностей табу обновляется. В фашизме оно всплывает в культовом

сознании причастности к мифологии ценностей арийской расы, в большевизме – в мифологии ценностей причастности к ценностям мирового пролетариата. Характерной особенностью действия этих новейших табу является то, что они не объясняются на рациональном уровне ценностей, которое выражает ценности самосознания, а вводятся в качестве границы признаков: «свой» – «чужой». С другой стороны, объективно должно быть понятно, почему они не объясняются. Нельзя абстрактно научно объяснить то, что относится к сфере новизны метафизического мира, который прорывает высшие процессы памяти чем-то незнакомым и неизвестным, требуя движения импульсов воли в определенном историческом направлении. Ведь точно также «народы моря», разрушившие великие империи Востока полторы тысячи лет назад, двигались в поле своих максимально агрессивных племенных импульсов, поскольку именно в их племенной энергии, в основном, происходила глобальная перезарядка высших процессов памяти как в суперкомпьютере энергетических потенциалов расового бессознательного.

Гл. 9
Критика идеального государства Платона Аристотелем

Если единство станет слишком большим, государство перестанет быть государством.
Аристотель

Особенностью действия массового сознания, которое, как и первобытное мышление, построено на различной системе социальных табу, является попытка всеми возможными социальными средствами – затушевать реальность расовой катастрофы, то есть факт утраты высших ценностей жизни, на базе которых формируется самосознание индивида в поле активности существования рациональных коммуникаций мировой цивилизации. Так, всеми возможными средствами создаются те или иные мифологические представления о реальности, широко использующие абстракции научных представлений, которые дают возможность псевдоцивилизационным социальным структурам продлевать свое существование во времени. Табуируется теми средствами, которые в недалеком прошлом были авангардными инструментами развития мировой цивилизации – резким ростом научно-технического информационного потока сознания. Это все равно, когда мы вспомним, что в первый век Темных веков процесса становления христианской веры ее активность старалась удержать иллюзию исчезнувших социальных структур античной цивилизации. Так, варвары разрушили Римскую империю, а потом объявили память о ее существовании «священной».

Основная государственная проблема в современной России заключается в том, что в ней нет социальных структур, которые способны переплавить племенные инстинкты, которые доминируют в ней на социальном уровне, в государственные институты. Отсюда – тотальное воровство, признаки безволия в выполнении многих государственных задач, цинизм по отношению ко всему, что связано с понятием высшего долга, этого основополагающего принципа существования любой цивилизационной модели. Поэтому, объективно, возвращение к ценностям традиции в наше историческое время является исторически необходимым, поскольку традиция – это, в любом случае лучше, чем энергии агрессивных племенных инстинктов, которые исключают признаки разума тотально. Ну и что, что была новая вера в СССР? В Темные века после гибели Римской империи тоже была очень сильная новая вера религиозных ценностей христианства, однако признаки цивилизации в отчетливом виде их существования там почти не просматриваются. Наоборот, в них очевидно стремительное исчезновение признаков цивилизации, хотя новая вера с каждым десятилетием и усиливала свое влияние. Вывод здесь состоит в том, что цивилизации не строится на силе веры, а на чем-то другом, что обладает более суровой и непреклонной силой воздействия на процесс формирования рациональной психологии человека.

Главная проблема полноценности социальных отношений в современной России – это энергия активности племенных инстинктов, которая не дает возможности сформироваться

здесь основам рациональной психологии человека на основе которых существуют все модели исторических цивилизаций. Здесь до сих пор поют гимн своей племенной дикой силе в своем понятии «пассионарности» в надежде, что эта нелегкая куда-нибудь да выведет в мировой истории. Но напрасно, поскольку племенная энергия – это то, что противостоит разумным законам мировой истории. История человеческих орд недолговечна. Например, территория Золотой орды была самая большая на Земле по сравнению с другими государственными образованиями, но ее социальная организация просуществовала лишь около двух столетий, поскольку для существования империи необходимы государственные структуры, а они не предполагаются в социальной системе, где все подчинено исключительно духу войны и ценностям военной добычи, и где все строится на агрессивной племенной энергии либидинозных социальных связей. Любая империя способна просуществовать хотя бы пол тысячи лет, если привносит какие-то новые высшие ценности в судьбу мировой цивилизации. Критерий качества этих высших ценностей – мера их разумности.

Причина, по которой мы возвращаемся к русским мыслителям до 1917 года, объясняется тем, что в это историческое время в России действовали отчетливые признаки цивилизации, хотя по уровню качества своих ценностей она и была провинциальной по сравнению с западноевропейской мыслью. Но в наше историческое время, когда российская реальность с огромным трудом и огромными потерями приходит в себя после исторической мистерии большевизма, необходимо иное направление, чем то, которое определил Петр I в качестве развития в сторону западноевропейского мира, где цивилизационные процессы практически свернулись в состояние псевдоцивилизации. Необходимо рассчитывать только на себя в том смысле, что необходимо искать самостоятельные структуры цивилизационного строительства в собственном историческом опыте существования. В этом смысле, мы утверждаем, что история торгово-промышленной модели цивилизации закончилась, когда загорается утренняя заря космически-технологической модели цивилизации, чей свет зажегся в России в XX веке.

Негативной стороной наследия большевизма в России было то, что он отбросил здесь основы государственности к агрессивным племенным инстинктам, которые смяли в ней основы рациональной психологии человека, выработанные в ней в процессе ее тысячелетнего развития в мировой истории на том минимальном уровне, на котором он здесь существовал. Понятно, что возвратиться назад сейчас уже невозможно, поскольку ликвидированы в основном те социальные механизмы, на базе которых строилась Российская империя, хотя тщетные попытки в России этого строительства в наше время все-таки присутствуют. Вообще, мы наблюдаем эту безнадежную попытку в современной российской социальной реальности построить какой-то странный симбиоз из осколков наследия Российской империи и опыта существования советской власти, что обречено на провал в процессах развития мировой истории. Обречено, поскольку «в одну и ту же реку нельзя войти дважды», как заметил Гераклит, то есть нельзя возвратиться к ценностям исторического прошлого, не понимания разумных законов развития мировой цивилизации, хотя отдельные элементы исторического прошлого необходимо должны присутствовать в историческом будущем.

Но было бы ошибочно полагать, что опыт существования советской власти несет только отрицательные моменты в истории государства Российского. Так, возвращаясь к отдаленному историческому прошлому, мы видим, что именно из агрессивных племенных сил «народов моря» возникли исторические предпосылки начальных основ европейской цивилизации будущего, когда до этого исторического времени можно было заметить лишь скромные достижения европейской культуры в многотысячелетнем опыте существования цивилизации. Востока. Можно заметить, что в опыте существования реальности советского режима стали формироваться смутные контуры того, что мы называем феноменом «лигаристического союза», то есть того, что после нашествия «народов моря» стало прообразом формирования др. греческих полисов. Именно здесь возникает главный критерий отличия племенной организации социаль-

ных отношений от исторических зачатков цивилизации – военно-патриотические структуры, которые определяют дух Спарты в Др. Греции. И здесь ошибаются те, кто пытается проводить параллель между духом Спарты, например, с фашистским политическим режимом, поскольку зачатки государственной идеологии в самой своей основе враждебны чистой агрессии биологической ценности жизни, в которой размыта государственная основа как разумная идея жизни. Государство – это вообще социальная система, в которой биологическое целиком и полностью подчинено нравственному чувству долга перед высшими ценностями мировой истории. Именно процесс становления государственности из простейших рациональных конструкций полиса и описал Платон, ориентируясь на опыт формирования спартанских союзов, впоследствии подвергнувшись критике со стороны Аристотеля за отрицание частной собственности у правящего класса, а также на ограничение личной свободы – со стороны Гегеля.

Так, мы должны остановится на понимании государственных ценностей у этих трех самых выдающихся философов в истории: Платона, Аристотеля и Гегеля в аспекте критики двумя последними понимания государственного устройства у Платона. В эту полемику мы включаем замечание Ницше о том, что «государство – это холодное чудовище», поскольку его философия – это последние мысль в истории философии, указывающая через отрицание отрицания в субъективной позиции разума на начальные элементы ее новой модели. Для понимания оснований этой критики мы должны понять историческую эпоху, исходя из духа которого происходит эта критика.

Аристотель, как известно, выражал эпоху заката существования др. греческой модели цивилизации, на смену которой шла уже значительно упрощенная идеологически для массового сознания эпоха эллинистических государств, возникших после походов Македонского. Так, великий дух энергии цивилизации др.греческих полисов начал уже угасать. Он, конечно, еще не демонстрировал признаки значительного упадка, но уже не обладал той энергией целого, которая дает возможность авангардным процессам мировой цивилизации концентрироваться на ее территории. Начиналась историческая эпоха, когда приближалось время захвата Греции македонским царством, за которым последовало историческое время возникновения эллинистических монархий на территориях, завоеванных Македонским. Таким образом, Аристотель защищал права частной собственности, но предупреждал что ее чрезмерная концентрация в узкой социальной среде ведет к распаду политической системы. Здесь следует понимать, что перед распадом очередной модели цивилизационного строительства, в данном случае, политической системы др. греческих полисов, частная собственность всегда концентрируется в руках очень узкой среды людей, что также является одним из признаков расовой катастрофы, то есть переходом модели цивилизации в состояние псевдоцивилизации. Такая политическая ситуация, например, возникла перед падением Римской империи, в которой крупные землевладельцы сконцентрировали в своих руках огромные ресурсы, латифундии, тогда как мелкие римские землевладельцы стремительно нищали, формируя социальную среду колонов, то есть становились арендаторами у крупных землевладельцев. Аналогичная ситуация происходит и в нашу историческую эпоху, когда средний класс стремительно исчезает практически во всех странах мира, тогда как число долларовых миллиардеров в мире, наоборот, растет.

Объясним, почему Платон полагал, что власть имущие, то есть класс философов и воинов, не должен иметь частной собственности. Дело в том, что Платон в полной мере ориентировался на политическую систему, которую мы определяем, как «лигаристический союз», то есть такую военно-патриотическую модель социальной организации, которая возникает из непосредственной энергии племенных подсознательных инстинктов, которые в анализе исторических событий в философии Платона кипели в энергии дорийских орд. Это была та полуворовская психология полудикой силы, которая не знала: ни разумного права, ни закона цивилизации. Подобная историческая сила, например, доминировала в нравах большевистской орды в

первое десятилетия советской власти или в постсоветской социальной среде различных псевдолиберальных деятелей после распада СССР. Понятно, что для обладания собственностью необходимы не племенные инстинкты, которые все равно не способны ею владеть в силу отсутствия навыков рациональной психологии, то есть причастности к разумным законам цивилизации, а очень жесткая иерархическая политическая структура власти, в которой собственность является исключительно государственной. Более того, она полагается священной в силу того, что это был первый опыт существования новой модели цивилизации в качестве начального формирования др. греческих полисов. Подобный опыт характеризует начальный опыт становления др. греческих полисов в момент формирования спартанских союзов, и момент формирования сталинского периода правления в СССР. Собственно, и марксистская идеология, отрицавшая права частной собственности на средства производства, пришлась в этот исторический момент очень кстати, когда можно было ссылаться на нее как на авангардные идеи своей исторической эпохи.

Как известно, по городам бывшей Российской империи в 1918 году стали ходить листовки с «Декретом об отмене частного владения женщинами» (в Саратове, Владимире и других местах), что демонстрирует еще одну из идей Платона при строительстве идеального государства. И не столь важно, были ли эти листовки провокациями, или действительно инициативой большевиков, но важен тот факт, что идея, высказанная более двух тысяч лет, назад неожиданно всплыла совершенно в другую историческую эпоху и в совершенно другом историческом народе. Понятно, что мы согласны с критикой Аристотеля подобной идеи Платона, но должны объяснить, почему она возникла в его идеальном государстве. Когда рушатся патриархальные устои жизни, выработанные столетиями, животные подсознательные инстинкты получают полную власть в сознании. Мы знаем, что в первые годы советской власти по русским деревнях разъезжали «свободные пролетарии», распространяя культ свободной любви, которые пропагандировала «свободная пролетарка» А. Коллонтай. Собственно, это и есть фрактальная картина возвращения дионисической мистерии в чистом виде, но уже в другую историческую эпоху и в другом народе. Поэтому Платон, учитывая оргиастические мистерии дионисизма в др. Греции, и предлагал, по-видимому, казарменный режим воспитания мальчиков для того, чтобы их сознание было занято не сексуальными интересами их влечений переходного возраста, а воспитывало в них мужественные предпосылки действия воли, которые необходимы для служения государству.

Значит, со стороны Аристотеля в сторону идеального государства Платона звучала критика с позиции ценностей среднего класса, то есть класса, который всегда заканчивает существование определенной модели цивилизационного строительства, или, в современном смысле, класса буржуазии. И действительно, государственные структуры всегда опираются на средний класс, но только при условии, что политическая модель, в которой он функционирует, не находится в состоянии распада. Здесь Маркс оказывается исторически прав, указывая, что в момент гибели очередной модели исторического развития мировой цивилизации последними политическими силами, которые озвучивают приговор этой политической модели, является пролетарский класс, смешавшийся с рабами. Так оно, собственно, и произошло в XX веке, когда агрессивные племенные инстинкты масс вырвались наружу, ликвидировав вековой дух сурового действия традиции народов.

Понимание государственного устройства у Платона для нас крайне важно по той причине, что мировая история медленно втягивается в процесс становления новой модели цивилизации, космически-технологической, переживая переход к принципиально новым социальным отношениям. А Платон, будучи первым в истории философии, кто выделил идею государственности на основе самосознания, показал, что в начале любой модели государственности всегда должно существовать противоречие: между массовым сознанием, которое всегда обуслов-

лено племенными инстинктами, – и чувством долга, который существует перед разумной идеей целого. У Платона вообще идея целого – центральная во всей его философии.

Казарменный режим военно-политической системы, который Платон утверждал в своем идеальном государстве, пронизывает практически все начальные стадии становления принципиально новой модели мировой цивилизации в мировой истории. Это обусловлено исторической необходимостью заполнить сознание индивида не мусором энергии либидинозных связей, которые заполняют его в момент распада очередной политической модели цивилизации, а тем, что требует от него выполнения его долга во всей суровости его действия перед памятью предков.

Часть IV
Исторические основы государственности

Гл. 10
Критика идеального государства Платона Гегелем

Всемирная история преимущественно есть история государств.
Гегель

Понятно, что критика государства Платона Гегелем значительно нам ближе в историческом времени, чем критика Аристотеля. Кроме того, Аристотель был учеником самого Платона, то есть имел возможность непосредственного с ним общения, когда это критическое отношение ограничивается великой эпохой др. греческой истории, в которой жили и творили многие выдающиеся представители высших ценностей ее культуры. При этом идея об общности жен и детей очевидно является явным преувеличением для строительства государства, хотя, например, реализацию этой идеи на практике можно найти в Османской империи в формировании военной элиты османского войска, янычар, набиравшихся насильственно из христианского населения империи, которые с малого возрасте воспитывались в казарменном духе патриархальной преданности исламу с 8-16 лет. Жизнь в казарме и прием еды из одного котла формировал в них духовное единство, которое исключало возможность иметь семью и заниматься хозяйством, то есть формировал из них особую военно-патриотическую касту в империи. Таким образом, мы видим, что фантастическая, в первый момент своего появления, идея об обобществлении детей через два тысячелетия, в другую историческую эпоху и в другом народе получает свое неожиданное развитие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.